Дарья Сорокина

Мой талантливый враг

Дарья Сорокина

Мой талантливый враг

«Автор»

2023

Сорокина Д. М.

Мой талантливый враг / Д. М. Сорокина — «Автор», 2023

Я никогда не знала поражений, моя жизнь была искусно сыгранной скрипичной сонатой, если бы не он. Винсент Вестерхольт. Он сочетает в себе всё то, чего я отчаянно избегала. Он хаос, безудержная импровизация, игра не по нотам.Но всё изменилось после нашей вышедшей из-под контроля дуэли. Теперь я изгой, а Винсент мой единственный шанс снова вернуться на сцену.

© Сорокина Д. М., 2023
© Автор, 2023

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 20
Глава 5 27
Глава 6 34
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Дарья Сорокина
Мой талантливый враг

Глава 1

– Опять она натянула это убогое платье.

– Сочувствую тем, кто будет выступать после неё, жюри просто сдохнет от тоски.

– Винс с ребятами её в лоскуты порвут.

Обычный день, обычный проходной конкурс, коих было уже сотни в моей жизни с тех пор, как я взяла в руки скрипку. Я не волнуюсь, не слушаю своих конкурентов, вожу смычком по воздуху, настраиваясь на выступление, и стараюсь игнорировать откровенные смешки своих главных и единственных конкурентов во главе с Винсентом.

Но даже у них нет шанса.

Отборочный тур для всех исполнителей един. Скрипачи, виолончелисты, пианисты, а капелла исполнители, музыкальные коллективы. Винсент Вестерхольт и его группа относились как раз к последним. Четверо весьма посредственных инструменталистов, которых свели вместе Великие Музы, чтобы уничтожать само понятие искусства. Не понимаю, как им удалось заиметь столько поклонников не только в нашей академии, но и за её стенами. Видимо, современный слушатель совершенно не имеет вкуса и здравого смысла. К счастью, сегодня в жюри не буйно-помешанные фанатки, а профессионалы, которые могут отличить настоящую музыку от вульгарной долбёжки и невнятного бренчания.

Поморщилась, когда Винсент, красуясь перед девчачьим а капелла трио, исполнил на своей гитаре визжащее соло. Рваные ритмы, натужное звучание. Не играл, а буквально насиловал свой инструмент. Все вокруг с замиранием таращились только на него. Каюсь. Я тоже наблюдала, но не за тем, как он трясёт своими черными патлами, не за гипнотизирующим блеском серьги на нижней губе, я следила за движениями его длинных пальцев. За тем, как легко и просто рождалась под ними едва сдерживаемая магия. Что-то разрушительное и болезненное, рвущееся наружу откровенными образами. Вестерхольт демонстративно не использовал медиатор, отчего звук казался особенно грязным и мерзким до зубового скрежета, но в то же время глубоким и теплым, обволакивающим меня со всех сторон…

– Что-то не так, принцесса? – издевательски спросил он, следя за моим выражением лица. И сколько он уже на меня так смотрит? Давно перестал играть? Почему же чувство боли и безнадёги все ещё сковывает моё тело. Стряхнула с себя наваждение.

– Все в порядке, господин Вестерхольт. Вот только, – я вдруг изобразила легкий испуг, коснулась уха и поднесла кончик пальца к глазам. – Уф, показалась, что кровь из ушей пошла.

Улыбка не исчезла с лица Винсента, а превратилась в холодную усмешку. В темных глазах тоже не отражалось ничего хорошего. Но мне не привыкать, это уже не первая наша стычка. Как обычно обменяемся несколькими оскорбительными колкостями и разойдёмся. Я уйду с призом, а он с очередной поклонницей в обнимку. Великие Музы воздают всем по заслугам.

– Можешь лучше? – спросил Вестерхольт, снял с плеча гитару и с готовностью протянул мне инструмент. – Смелее, принцесса.

Я с опаской посмотрела на тяжёлый гриф, увенчанный головой кобры. Терпеть не могу змей. Почти все в академии в курсе моей фобии. Уверена Винсент заказал себе это украшение не красоты ради, а чтобы доводить меня перед выступлениями.

Прижала руки к груди и старалась сохранить невозмутимый вид, а ему нравилось наблюдать за моей секундной растерянностью. К счастью, громкие аплодисменты раздались из зала,

а конферансье уже во всю представлял а капелла трио. Девушки кое-как очнулись от магического очарования Винса и засеменили на сцену. Мне же это подарило время дать отпор.

– У меня свой инструмент, – я ласково погладила скрипку. – И тебя уделать я могу даже без смычка.

Зря я это сказала. Если раньше к моим пререканиям с Вестерхольтом все относились равнодушно, то сейчас только ленивый не повернулся, чтобы посмотреть на это.

– Так уделай меня прямо сейчас на сцене.

Я немного растерялась, но тут же ответила.

– Пьеса, которую я подготовила для конкурса, не рассчитана для пиццикато. Если хочешь дуэль, можем встретиться позже.

Раздались новые смешки.

– Винни, в этот раз ты себя превзошел, сама Елена ден Адель позвала тебя на свидание. Вот это поворот! – беззлобно пошутила Вивиан Вестерхольт.

Я мгновенно покраснела из-за слов сестры Винсента и поджала губы. Лучше молчать, пока они все мои слова не извратили. Молчи, Елена, молчи.

Винс оценивающе оглядел меня, а после с легким пренебрежением выдал:

– Не в моём вкусе.

Он никогда мне не нравился, и влюблена я совершенно в другого человека, но отчего-то сейчас стало обидно и горько.

– Хотя в порядке исключения могу уделить вам время, госпожа Адель. Вы же не настолько скучны как ваши идеальные до омерзения выступления.

Вестерхольт изобразил зевок. И как ему только челюсть не свело от этого кривляния?

Я горделиво вскинула голову.

– Мои выступления идеальны, потому что такой и должна быть музыка. Выверенной, чёткой, красивой, а не этот ваш скрежет, бренчание и долбежка, – я все же не сдержалась и парировала его колкость.

– А ещё мёртвой, унылой и безэмоциональной, – Винсент загибал пальцы. – Посмотри записи своих выступлений, все же с трудом досиживают до конца. Конкурсы ты выигрываешь лишь благодаря своему папочке-министру. Нас обожают, а тебя… Тебя просто терпят.

Это уже было слишком! Оскорблять мою семью я ему не позволю!

– Забери свои слова, Вестерхольт, – пригрозила ему и крепче сжала скрипку.

– Заберу, как только ты выполнишь своё обещание уделать меня без смычка. Мы всё ещё ждем твоё фееричное пиццикато, – издевательски напомнил Винсент, а пение трио набирало обороты и почти достигло крещендо. Уже совсем скоро мой выход.

– Некогда мне тратить время на тебя время, убогий… – я слишком долго подбирала подходящее для него оскорбление и утратила своё мнимое преимущество.

– Маленькая папенькина дочка настолько правильная, что не может своим милым ротиком сложить плохое словечко, – продолжал глумиться Винс, и я не сдержалась.

– Убогий лабух! Ты и твоя команда только и можете что выступать по кабакам, заглушая чавканье посетителей. Профессиональная сцена не для таких как вы, не для тех? кто продался за звонкую монету, – я смерила его уничижительным взглядом и уже было развернулась, чтобы пойти к сцене, как услышала весьма зловещее:

– Никуда ты не пойдешь, принцесса. Ничего ты о нас не знаешь, – злобно шипел он.

В этот раз между пальцев Винсента появился медиатор, и жуткая мелодия стремительно начала разливаться по закулисью, она змеями расползалась по полу и устремлялась прямо к моим ногам пугающими образами.

– Винсент, прошу! Что за детский сад? – Вивиан попыталась остановить своего брата, но по его охваченным магией глазам, я видела, что это ей не точно не удастся. Никому не удастся. Все то, что Вестерхольт так отчаянно сдерживал пару минут назад, прорывалась в этот миг, а я вольно или невольно стала проводником его гнева.

Попятилась от наколдованных змей, которые с каждым мгновением становились все реальнее. Они оставляли на полу влажные следы, шипели в унисон с музыкой и угрожающе обнажали ядовитые клыки.

С неимоверным трудом я подавила панику. Шумно выдохнула, успокаивая дрожь в теле, вскинула скрипку на плечо и суетливым пассажем попыталась отразить атаку Винсента. Золотые стрелы одна за другой пронзали змей, которые корчились и издыхали в агонии. Я уже хотела ответить Вестерхольту победной улыбкой, как осознала, что ползучие гады были лишь отвлекающим манёвром. Пока я создавала разящие стрелы, мой противник нырнул в очередное соло, напоминавшее крик ястреба в пике. Всего на мгновение мои пальцы ослабили хватку, и когтистая лапа хищной птицы тут же вырвала у меня смычок.

– А вот теперь-то ты сыграешь нам всем своё хвалёное пиццикато, принцесса, – Вестерхольт пренебрежительно указал мне смычком в сторону сцены, где трио закончили своё выступление и принимали восторженные аплодисменты. – Послушаем, как звучит твоя непродажная музыка.

Сейчас, глядя свой на драгоценный смычок, грубо зажатый в руке Винсента, выступление и наш спор были последними, о чем я тревожилась. Даже змеи не вселяли в меня такого ужаса, как неосторожное обращение с моим сокровищем.

– Отдай, – слабо попросила я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам.

– Я не слышу тебя, – он приложил ладонь к уху.

– Отдай, – повторила я уже громче, наступая на горло своей гордости. – Отдай, пожалуйста.

– Винни, ну в самом деле, – вмешалась его сестра. – Отдай ты уже девочке смычок.

– Нет, Ви, – отрезал Вестерхольт. – Ты слышала, как она нас назвала. Лабухи. По кабакам, значит, мы только можем.

С этими словами он провёл смычком по своей гитаре, словно по виолончели, извлекая скрежещущие звуки, которые пробирала меня до самого основания, выскребали из меня душу без остатка.

– Не надо, Винсент, – шептала я, захлебываясь невыплаканными слезами, потому что именно эти самые чувства я испытала впервые взяв скрипку. Мамину скрипку. Тогда, сжимая древко смычка, на котором я знала каждую трещинку, я представляла, что моей рукой водит мама. Но мамы рядом не было, и струны рождали болезненную мелодию, которую я пытаюсь заглушить годами практик.

Винсент не слышал. Он наслаждался моим страданием и унижением, и я, возможно, заслужила их за свои гадкие слова. Но не так.

– А сейчас на сцену приглашается Елена ден Адель. Дочь знаменитой Софии ден Адель в девичестве Хаслингер.

– Прошу, – безо всякой надежды попросила Вестерхольта.

– Мне надоело ждать, принцесса, – с этими словами он грубо зажал смычок между зубами и вдарил по струнам.

Меня отбросило волной почти на сцену, я потеряла равновесия, запуталась в полах своё концертного платья и упала.

Я уже не думала о смешках, не думала о том, что конкурс я скорее всего проиграю, что отец будет недоволен. Я смотрела лишь на белые зубы Винсента, и его злой оскал, мне казалось в меня он впивается со всей яростью, а не в древко смычка. Прямо сейчас он осквернял самое

дорогое, что у меня было, он оставлял новые рубцы не только на инструменте, но и на моей и без того израненной душе.

– Елена Анна ден Адель, – повторил конферансье.

Я медленно поднялась на ноги, зажала скрипку подбородком и легко коснулась струн.

Пиццикато совсем не подходило моему состоянию, слишком веселой и непринуждённой рождалась музыка, больше напоминая разнузданное ярмарочное веселье. Но разве это важно сейчас важное? Важно вернуть смычок и наказать Вестерхольта.

Новые незнакомые мне до этого дня образы рождались под моими пальцами, они принимали форму крохотных птичек, которые словно рой насекомых устремились к моему обидчику, окружили его, щебетали в уши и пытались отнять смычок.

Винсент отмахивался от птиц, попутно вплетал в мою музыку свои грубые и надрывные мотивы, выпуская на волю ястребов, которые без труда истребляли моих пташек, а после рванули на меня, заставив попятится на сцену. Пришлось сосредоточиться на своей игре. Мягче, быстрее, коварнее. Кого там бояться хищные птицы?

Я возбуждённо пощипывала струны, и со всех сторон начали сбегаться лисицы. Словно неуклюжих домашних куриц они хватали ястребов Вестерхольта и трепали их. Несколько хищниц даже попытались куснуть Винсента, и ему пришлось отбежать. Мои существа гнали мерзавца ко мне на сцену. Но он не сдавался, выдал почти низкое, почти басовое звучание, и за его спиной материализовался медведь.

Лисы с пугливым скулежом метнулись в зал и растворились над головами изумлённых зрителей, оставив меня один на один со зверем и его создателем. Медведь неумолимо двигался на меня, ревел. Под ним стонало деревянное покрытие сцены. Когда зверь навис надо мной когтистой лапой, зал ахнул. Для всех это было частью какого-то представления, даже конферансье не до конца понимал, что происходит. Я же судорожно искала правильную пьесу.

Огонь!

Как же сложно сыграть его пальцами. Кажется сами струны начинают нагреваться и плавится, и вот уже не без труда подобранные мотивы пламени обращаются в первые искры, они летят медведю на морду, сыплются на половицы, пляшут язычкам в темных глазах Винсента.

– Осторожно! – кричит он, несется на меня и утаскивает в сторону за миг до того, как сверху срывается горящая балка. Она падает прямо у наших ног, проламывая помост.

После нашего первого совместного выступления никто не хлопал, зрители в панике покидали зал, а мы с Вестерхольтом смотрели, как тлеет начавший опускаться занавес.

– Винсент! Елена! – прокатился рокотом над эвакуирующейся толпой голос ректора.

Нас сейчас накажут, или объявят победителями? Я поднялась на ноги, нервно сглотнула и наступила мыском туфли на язычок пламени, пытаясь его затушить, а Вестерхольт стряхнул с плеча птичьи перья и помёт.

– В мой кабинет. Оба!

Глава 2

В кабинете Амадея Циммермана с трудом нашлось место для нас с Винсом. Комната скорее напоминала склад старых неработающих музыкальных инструментов и вышедших из строя граммофонов, чем приемную одного из самых уважаемых композиторов, историков и деятелей искусства. Тут и там бесценные коллекционные пластинки опасно нависали неустойчивыми горками, в углу рассыпана канифоль, а под ногами шуршали исчерканные нотные листы.

С тех пор как фрау Циммерман сбежала с лучшим другом нашего ректора, тот не мог написать ни единого этюда. Чудовищный непрофессионализм – вот так мешать чувства и творчество. Жаль, не нашлось никого во всей академии, чтобы сказать ему об этом. А меня от подобного комментария останавливал здравый смысл и грустный взгляд ректора. Всё же свою жену он любил действительно сильно.

– Садитесь, – рявкнул Амадей и попытался расчистить место на кресле и для себя.

Нам же с Винсентом досталась небольшая банкетка, на которой двое не поместятся так, чтобы не касаться коленями.

Скромно устроилась с краю, а вот Вестерхольт расположился чересчур фривольно, и даже ноги расставить умудрился. Я попыталась возмутиться, но смолчала. В конце концов здесь мы только по одной причине. Герр ректор обяжет Винсента извиниться за моё сорванное выступление, за издевательства, шутки и порчу смычка. Мне все ещё не хватало духу посмотреть на свой инструмент. Я увидела несколько новых отметин от зубов на дереве и с трудом сдерживала слёзы и желание продолжить нашу сорвавшуюся дуэль. Так сильно злил меня Вестерхольт.

– Думаю, вы прекрасно знаете, зачем я вас позвал.

Я нетерпеливо кивала, скорее бы они уже перешли к извинениям. Даже одним глазком посмотрела на Вестерхольта. Видок у него был ужасный. На лице нездоровая бледность, при каждом нервном глотке у парня дергался кадык. Удовлетворённо перевела взгляд на ректора и поправила подол платья, на котором остались досадные подпалины.

Винсент подал голос первым.

– Герр Циммерман, мне очень жаль. Я готов понести любое наказание, только позвольте моей команде выступить, они так ждали этого концерта. Мы много готовились, и я… Для Виви это очень важно, она тут не при чем, пусть ребята сыграют.

Звучало все это по-настоящему искренне, и я мгновенно растеряла всю свою кровожадность от этих слов. Надо же, Вестерхольт любит в этом мире кого-то сильнее, чем самого себя. То как Винс виновато опустил голову, как сжимал кулаки. Это не показное.

Амадей хмурился глядя на своего студента, и я не выдержала:

– Герр Циммерман, я готова принять извинения Винсента, более того, я считаю, что будет благородно с моей стороны позволить его команде выступить. Победы им это, конечно, не принесёт, потому что по совокупности оценок я все равно впереди даже с учётом сегодняшнего сорванного выступления.

Винсент медленно повернул ко мне голову, и во взгляде его читалось столько сожаления, что у меня зазвенело в груди.

– *Ты* готова принять мои извинения? – он повторил это немного не с той интонацией, на которую я рассчитывала. А ещё мне не понравилось с каким нажимом он выделил “ты”.

– Ну да. Ты помешал мне выступить, навязал дуэль, отнял мой смычок, натравил медведя, – сыпала я обвинениями, уже забыв чтобы собиралась простить ему все грехи.

– Ты оскорбила моих сокомандников, назвала нас кабачными лабухами! Герр Циммерман насколько такое приемлемо в нашей среде?

– Совершенно неприемлемые слова для юной особы в адрес коллег. Так и сказала? Лабухи?

Я прикусила язык, а Винсент продолжал:

– Ты бахвалилась, что уделаешь меня без смычка, я всего лишь помог тебе и подтолкнул к сцене, пока тебя не дисквалифицировали. Ты же чуть не опоздала на собственное выступление. Стояла за кулисами, таращилась на меня как безумная.

Амадей терпеливо перевёл на меня взгляд, ожидая, что я отвечу на это. Мне все меньше нравится этот допрос и издевательские отговорки Вестерхольта.

– Медведь! Он сыграл медведя, который чуть меня не зашиб, герр Циммерман, примите меры, против этого… этого музыканта!

– Ты серьёзно думала, что я на *тебя* собираюсь натравить зверя? – спросил Винсент, склонив голову на бок. А ещё он опять странно выделил “тебя”. В этот раз с каким-то надрывом.

Очевидно он имеет в виду высокое положение моего отца. Обидит меня, заимеет кучу проблем. Только я же никогда отцу не жалуюсь, он жутко занятой, да и без меня есть добрые люди, которые все ему докладывают.

– После змей я ждала чего угодно. Ты не мог не знать, как сильно я их боюсь, – сказала с неприкрытой обидой, словно Вестерхольт мне друг, который забыл о чем-то важном. Только не друзья мы.

– А вот за змей прости меня, Нана.

Меня словно молнией поразило. Не знаю от чего больше, от извинений Винсента, или от этого нежного Нана. Только один человек называл меня так, но её не стало. И с пяти лет я был кем угодно: фройляйн Адель, Елена, госпожа Елена ден Адель, дочь министра обороны. За мной зацепилось издевательское Принцесса музыки из-за моей маниакальной увлеченности и преданности искусству. Наной меня не называли очень давно.

Сжала в руках смычок, не сводя глаз с Винсента. Пальцы гладили новую крохотную отметину на древке, а сердце всё ещё сжималось от этого пронзительного “Нана”.

Не нашла в себе сил ответить ему, слишком сильно стучало в висках.

Мы слишком долго молчали, глядя друг на друга, и ректор нетерпеливо прокашлялся.

– Насколько я понимаю, на сегодня ваш запал иссяк?

Я кивнула, всё ещё пытаясь успокоить своё сердце.

– Хорошо. А теперь по существу. Вы сорвали конкурс, устроили потасовку на глазах уважаемого жюри, меценатов, преподавателей и студентов. Ваша взаимная ненависть всегда была деструктивной, но пожар? Вы устроили настоящий пожар на сцене. И после этого ты, – ректор указал на Винсента. – Хочешь, чтобы я позволил твоей группе выступить? Вот тебе моё нет. Пусть это будет уроком для тебя. С этого момента все, что ты сделаешь, будет отражаться на твоих сокомандниках.

Вестерхольт молча разглядывал свои сжатые кулаки, а у меня не было ни сил, ни желания злорадствовать. Никогда не видела его таким подавленным.

– А ты… Вы, – поправил сам себя ректор. – Фройляйн Адель, вынужден с прискорбием сообщить вам, что вы так же снимаетесь с конкурса. Если у вашего отца будут по этому поводу возражения, или претензии, пусть он выскажет их мне лично, а не через письма с угрозами. В конце концов вас обоих можно было исключить после сегодняшнего. Но я добр, чёрт возьми. Добр. Пишите объяснительную.

Амадей протянул нам по мятому листку бумаги и по сточенному донельзя карандашу.

Я скромно подняла руку.

– Да, Елена.

– А какое у нас ограничение по количеству слов?

Винсент, уже успевший расположить листок у себя на колене, громко чихнул, маскируя слово “зубрила”.

– Нет ограничений, – благосклонно ответил герр Циммерман. – Можете поплакаться, обвинить очередной раз адепта Вестерхольта. Можете даже попросить меня отменить решение о вашем исключении из числа конкурсантов.

– А это сработает? – недоверчиво поинтересовался Винсент.

– Разумеется нет. Но вы же творческие люди, проявите фантазию и удивите меня своими записками.

– А есть какая-то установленная форма? – я все ещё нерешительно смотрела на свой чистый лист. – Я просто никогда не писала объяснительных…

– Серьёзно, Нана? – не выдержал Винс, и я в очередной раз ощутила в груди что-то сладко звенящее от этого простого обращения. – Ты даже тут сымпровизировать не можешь? Теперь понятно, почему все спят на твоих выступлениях!

– Импровизация – отговорка для ленивых, – обиженно буркнула ему в ответ.

Странное чувство, но мне хотелось, чтобы он продолжил пререкаться со мной, чтобы ещё раз назвал по имени, но Вестерхольт лишь махнул рукой и продолжил писать свою объяснительную, которая больше походила на текст новой песни. Он там строчки рифмует, что ли?

– Принцесса-зубрилка решила списать? Совсем по наклонной пошла, Елена ден Адель, – Винсент прикрыл ладонью свой лист и одарил меня неприятной усмешкой.

Были ли всему виной издевки Вестерхольта, дисквалификация с конкурса, адреналин после дуэли и возможное наказание от отца, но слова вдруг стали рождаться сами собой. Я сыпала обидами и претензиями, оправдывала свою несдержанность и… страсть. Замерла, закончив писать. Посмотрела на кончики своих пальцев словно в первый раз. Они до сих пор пульсировали от чего-то неведомого. Спонтанное пиццикато, чистая неразбавленная радость игры не по листу. Хочу ещё! Но будет ли?

Амадей молча забрал наши объяснительные, быстро прочитал обе записки, а затем остановил взгляд на Винсенте.

– Смело Вестерхольт, местами даже перебор с откровенностью, но мне нравится.

– Даже не сомневался, – горделиво вскинул голову Винсент.

– Может, стоит передать твоё сообщение адресату? Это решило бы многие проблемы и разногласия в будущем, – Циммерман не расставался с объяснительной, и теперь уже мне стало интересно, что же там такое. И почему Винса похвалили, а меня нет. Я тоже вообще-то старалась.

– Делайте что хотите герр ректор, мне уже давно все равно, – пожал плечами Вестерхольт и поднялся с места: – Я свободен?

– Свободен, – задумчиво повторил Амадей, сложил вчетверо наши листы и убрал себе во внутренний карман. – Ничего тебе не все равно, Винсент…

– И я свобода?

Циммерман недовольно уставился на меня, словно я ещё чем-то его разочаровала, затем его рука взметнулась к карману с записками, но он быстро себя одернул.

– Свободны, фройляйн Адель. Но я бы попросил вас взять с собой бубен. Вернёте позже.

– Бубен? – удивленно переспросила я.

– Он очень вам пригодится сегодня. А может и завтра. Пусть Великие Музы будут к вам благосклонны, Елена.

Рановато деменция настигла нашего ректора. Ему же нет и пятидесяти! Это неразделённая любовь лишает рассудка? Как жаль.

Бубен я все же взяла, чтобы не расстраивать Амадея, и скользнула в пыльный коридор, заставленный старыми газетами, кое как перевязанными бечёвкой. Интересно, он их читал вообще? Или просто выписывает по привычке и хранит в академии? Пока я пробиралась сквозь завалы, металлические тарелочки весело позвякивали, отчего мгновенно рождалась магия и освещала мне дорогу. Может для этого её мне и дали?

У выхода темнел силуэт. На всякий случай тряхнула подарком от ректора и выхватила из мрака лицо Винсента.

– Я думала, ты уже ушёл.

Я прижала бубен к груди, надеясь, что наша дуэль не возобновиться, потому что здесь достаточно крохотной искры, чтобы старые сухие газеты вспыхнули.

Он молчал. Напряженно смотрел на меня и молчал. Искал новые колкости и оскорбления?

Стало неловко от этого взгляда, только спрятаться от него в узком коридоре было некуда. Да и не торопилась я за ту дверь, чутьё подсказывало, что мои неприятности только начинаются.

– Почему ты назвал меня Наной?

Винсент лениво поправил на плече ремень от гитары, но не собирался ни отвечать, ни уходить. Наверно мне должно было стать немного тревожно от происходящего. Вот обиженный на меня музыкант, темный коридор и подрагивающие металлические тарелочки, которые начинали опасно нагреваться.

– А тебе не нравится? – спросил Винсент так, словно ему было дело до того, что мне нравится.

– Просто странно. Никто так меня не зовёт.

Неловкость нарастала, и Вестерхольт сделал шаг мне навстречу.

– Никто? Даже этот, как же его, – Винс начал щелкать пальцами, словно пытался вспомнить что-то, и эти щелчки резонировали с металлическими тарелочками в моих руках. – Филипп, Фридрих, Франц…

– Флориан, – брякнула не подумав и тут же спрятала лицо за бубном. В этот раз от него разлетались уже красные искры.

Несколько все таки долетело до газет, но Винсент продолжал ритмично щелкать и гасить их.

– Точно-точно. Флориан Майер твой преподаватель по скрипке. Как это банально. Наставник и ученица. Герр ректор в курсе?

Как жаль, что нельзя вернуться к Амадею и переписать свою объяснительную, я бы не была столь сдержана в выражениях. Шантажировать меня решил?

– Между мной и Флорианом нет ничего такого! – ответила, проглатывая стыд.

И это было правдой. Герр Майер знал о моей давней и почти детской влюблённости, он никогда не смущал меня, не смеялся над моим чувством, был тактичен и добр. Но главное, не отказался учить меня, даже после моего наивного признания. А теперь Винсент хочет все опошлить. Не позволю!

– Все же вернусь к Циммерману и предупрежу его. Так будет правильно, – Вестерхольт тряхнул черными волосами, затем пригладил их, готовясь к очередной встрече с ректором и шагнул ко мне на встречу.

– Нет! – Я вскинула руку с бубном перегораживая ему дорогу. Тарелочки вновь мелодично зазвенели, и Винс опять начал гасить искры щелчками, не переставая улыбаться.

Осторожно встряхнула кистью и новый более мелодичный звук наполнил коридор.

– Продолжай, – командовал он, перевешивая гитару. – Думай обо мне и продолжай играть.

Что? В своем ли он уме? Мои мысли о нём тлетворны и разрушительны, а мы в двух шагах от кабинета ректора.

– Будет ещё один пожар, Вестерхольт, и тогда нас точно исключат.

– Представь другой образ, сейчас тут нет медведя с занесенной над тобой лапой.

– Зато есть ты. А ты хуже любого медведя!

Улыбается, слегка касается струн, перебирает их нежно, смотрит мне в глаза.

– Нана…

Короткое сладкое слово, пульсирующее отголосками какой-то другой жизни. Рука сама собой взмывает вверх, плавно опускается вниз, рождая мелодию, которая совершенно не соревнуется с музыкой Винса, она вплетается в неё. С тела снова падают невидимые оковы, и я движусь в такт. Свободно и просто.

– Неплохо, принцесса, – Вестерхольт возвращает меня в реальность пыльного коридора-склада. – Запомни этот урок и эмоции. Я не Флориан Майер, конечно же, – сказал с едва уловимой горечью в голосе, – но кое-что о настоящей музыке знаю. Не благодари.

– И не собиралась! – слишком резко ответила ему, прижимая предательский бубен к груди.

Ответь что-то. Продолжи эту перепалку. Почему мне так важно ругаться с тобой?

Вестерхольт молча повернулся к двери, ведущей в к главной анфиладе и пустил света в мрачное нутро ректорского жилища. Я даже поморщилась на мгновение. Вышла следом, потирая глаза, и тут же оглохла от смеси восторженных и гневных выкриков.

Радовались Винсенту, а моё имя звучало совсем с другой интонацией. С неприятным шлепками мне под ноги упали гнилые помидоры и забрызгали подол концертного платья. Попятилась обратно к двери, как следом полетело что-то уже в лицо. Не успела закрыться, а вот Винс оказался проворнее и на лету поймал пущенное в меня яйцо. Оно треснуло у него в руке, и мерзкая жижа потекла между его сжатых пальцев.

– Довольно, – рыкнул он на толпу своих поклонников, а затем недовольно повернулся ко мне. – Амадей для чего тебе этот бубен дал, сама не догадалась?

Посмотрела на инструмент в своих руках и вздохнула. Ясно, это не для музыкальных упражнений, а отражать атаки. Давненько меня уже не травили. С самой школы. Думала, в университете такого уже не будет. Ошибалась.

Глава 3

Встряхнула рукой и создала вокруг себя щит, о который разбилось ещё несколько помидоров, которые походили на птиц, врезавшихся в стекло поезда. Грустно немного. Хорошие помидоры-то, могли бы оказаться в салате, а не стекать по магическому барьеру.

Вскинула голову и, пытаясь сохранить остатки достоинства, двинулась в сторону гневной толпы. Не думаю, что они кинутся на меня с кулаками рядом с кабинетом Амадея. Я все шла и звенела, как цирковой клоун, а в меня продолжали лететь овощи вперемешку с оскорблениями. Разумеется, я же сорвала концерт их любимой группы.

Можно было бы легко обратить все их атаки, мне бы хватило сил сделать это, даже используя ритмичные хлопки в ладоши, но такое поведение всем развяжет руки, и в ход пойдет уж что-то более серьёное, чем тухлые яйцы и помидоры.

От одного все же не увернулась, отвлеклась, и мне зарядили прямо в голову. От неожиданности толпа даже расступилась, а я демонстративно втерла скользкую жижу себе в макушку со словами:

– А вы думали, откуда у меня такие роскошные золотистые волосы? Все регулярные яичные маски.

В повисшей тишине услышала вполне искренний смех Винсента.

После этого обстрел немного поутих, но до домика сестринства я дошла знатно потрепанная. Подол платья намок и волочился по земле, волосы свисали спутанными лохмами, а на щеке красовался синяк. У кого-то нашлось целое яблоко. Вкусное кстати. Я прямо на глазах у этой своры обтерла её о рукав и откусила. Даже не откусила, я вгрызлась так, что сок потёк у меня по подбородку. После этого желающих поквитаться со мной стало заметно меньше. А кто-то в толпе назвал меня чокнутой.

Так и есть сегодня я окончательно и бесповоротно двинулась впервые в жизни.

– Елена, что с тобой? – ахнула моя соседка Шайла.

Она прекратила свою растяжку и подбежала ко мне. Крохотная невесомая адептка с факультета классического танца. Она не шагала ка мне, а буквально летела.

– Это синяк? – Шай коснулась моей щеки, и я зашипела от боли.

– Насколько все ужасно? – спросила её, и подруга весьма красноречиво поморщилась.

– Ну, я никогда не видела, чтобы у тебя был ноготь сломал, или волосок к волоску не лежал, а тут такое.

– Ясно, – вздохнула я и подошла к зеркалу.

Видок у меня действительно оставлял желать лучшего, щека неслабо распухла. Завтра все непременно посинеет, если срочно не приложить что-нибудь. Но я не торопилась. Смотрела на себя словно в первый раз. Волосы в беспорядке, на губах следы от зубов, да и во взгляде что-то новое.

– Кто тебя так? – спросила Шай.

Она уже открыла баночку с чем-то зелёным и вонючим и теперь пыталась попасть мне пальцем в щеку.

– Винсент, – выдохнула его имя, словно ругательство и молитву одновременно.

– Что? – Шайла чуть не выронила из рук склянку с мазью. – Нет-нет! Он не мог! Ударить девушку? Тем более тебя.

– Я не про синяк. Яблоком в меня запулили его фанатки. Я про всю эту ситуацию. А что ты имела в виду под “тем более меня”?

Шай слегка смутилась.

– Ну я думала, что вы просто играете в ненависть. Винсент же так смотрит на тебя. А его песни. Разве, он не влюблен в тебя?

Я рассмеялась. Так громко, странно, что зеркало в раме не пошло трещинами.

– Винсент? Винсент Вестерхольт? Мы же сейчас об одном и том же Винсенте Вестерхольте говорим?

– Ну да, – совершенно невозмутимо ответила Шай. – Ты же слушала его песни?

Я поморщила нос, словно мне предложили попробовать омлет из протухших яиц, которыми сегодня так щедро меня закидывали.

– Не слушала и не собираюсь, – фыркнула я, втирая в кожу мазь из бадяги.

Шайла с легкой улыбкой положила мне на кровать свой плеер, обмотанный наушниками.

– Я не настаиваю. Но хотя бы одну песню. Выберешь по названию, – не сдавалась моя соседка. – А теперь я жду подробностей. Ты же прошла этот этап? Со своими тренировками я не смогла поддержать тебя сегодня. Прости

– О, ты много потеряла! Я устроила пожар, а Вестерхольт сыграл огромного медведя, после того как натравил на меня целое гнездо ядовитых змей.

Глаза у Шай расширились от удивления, и она ещё больше стала походить на маленького эльфа. Худенькая, невесомая, со слегка оттопыренными острыми ушками.

– Обязательно расскажу в деталях, но после того, как смою свой триумф в душе.

Шайла вновь схватила свой плеер и кинула его мне прямо в руки.

– Послушай! Там и про медведя есть, и про змей!

Не настаивает она, как же! Я для виду закатила глаза, но любопытство все же пересилило. Медведи и змеи? Может просто Винсент ничего другого и не умеет играть!

Поставила ванную набираться и вылила туда столько ароматических масел, что у меня голова закружилась от запаха. Высвободилась из концертного платья, стянула с себя чулки, запихнула в бак для стирки бельё. Если хватит сил, то спущусь в прачечную, пока же единственное что мне по-настоящему хочется – это вымыть из волос желток, а Винсента из мыслей.

Запустила ногу в теплую ванну. Все сегодня какое-то не такое. Чувства острее, запахи резче, даже вода другая. Обволакивает, ласкает словно шёлк. Нырнула с головой, прячась от целого мира, но музыка все равно нагнала меня. Наш странный дуэт в пыльном коридоре. Приказывающий голос:

– Думай обо мне и продолжай играть!

И чего ты возомнил о себе, Вестерхольт? Даже тут умудрился достать меня!

Вынырнула и свесилась через бортик, пытаясь дотянуться до плеера.

Отнесемся к этому как к исследованию. Для курсовой я же почти целый месяц слушала музыку южных племен. Не сказать, чтобы это мне понравилось, но обогатило мои знания. Вдруг Винсент и его, как там они себя называют, тоже откроют для меня что-то новое.

Коснулась колесика прокрутки.

Парамнезия? Я думала, они какие-нибудь Демоны Вестерхольта. А у них даже со смыслом и не пафосно. Парамнезия – это же что-то про подмену воспоминаний и путаницу прошлого с настоящим? Очень неплохо для музыкального коллектива, учитывая, что все мы соревнуемся не только за лучшую мелодию, но и самую искусную иллюзию. И о чем же ты поёшь Винсент?

Воткнула наушники и прикрыла глаза, вслушиваясь в не самую качественную и явно не студийную запись. Вот подбадривающие крики толпы, вот разладное звучание гитары, голос хрипловатый, надломленный, отчаянный, пробирающий до мурашек.

Я придумал тебя
И поверил в обман.
Но реальность так зла, придушила змеёй,
Прикопала землей
Воспоминания,
Которых нет.

Их нет.
И я диким зверем рычу
В своих песнях кричу.
Так услышь же мой крик,
Пока он не стих.
Нана…

Сорвала с себя наушники и отбросила их на коврик, как ядовитого гада. Хватит с меня на сегодня Винсента Вестерхольта и его фокусов. Не буду я играть в его игры. Сползла обратно под воду, и уже из моей груди вырвался крик и устремился наверх пузырьками.

Шайла вломилась в комнату.

– Лена, ты в порядке?

Вынырнула откашливаясь мыльной водой.

– Да. Отвратительная музыка у этих Паранормальных, или как их там.

– Парамнезия, – поправила подруга и подняла плейер с коврика.

Из наушников все ещё раздавалось пение Винса. Чтоб его.

– Без разницы. Ни петь, ни играть не умеют. Разве такой должна быть музыка?

Шай протянула мне халат и снисходительно покачала головой.

– Бормочешь, как наш балетмейстер. Он тоже ворчит на все кроме классики, если бы узнал, что я выбрала дополнительным курсом современный танец, его бы паралич разбил. Старый консерватор!

– О, считаешь, что такая же как герр Вагнер, – я наигранно обиделась.

– Ты хуже. Вагнер хотя бы не такой ханжа и способен оценить другие танцевальные коллективы даже сквозь призму своего самомнения.

– Ханжа, самомнение, – продолжала бурчать я, повязывая пояс халата вокруг талии. – Как ты ещё меня обзовёшь, Шая?

– Лицемерка, – с улыбкой добавила соседка.

– Вот как?

– Кто если не лучшая подруга скажет тебе правду, – она показала мне язык. – Пока ты отмокала, я посмотрела видео вашей с Винсентом дуэли.

– О, Великие Музы, это уже попало в эфир?

Шайла кивнула.

– И это прекрасно, Лена! Ты в жизни лучше не играла. Обычно твои выступления слишком… – она слегка замялась, подбирая нужные слова, и я первой пришла ей на помощь.

– Унылые и безэмоциональные, – повторила я слова Вестерхольта, и подруга закусила губу.

– Я хотела сказать слишком… выверенные. Чистая математика. Это не плохо, я сама раньше считала, что танец это четкие линии, фиксация. Но Велие Музы ждут от нас другого.

– Никто не может знать, чего они ждут от нас. Музы молчат.

Я уже хотела было шагнуть к кровати, как Шай поймала меня за руку.

– Сегодня не молчали. Они говорили сквозь тебя, и это было прекрасно! – убеждала меня подруга.

– Ага, а потом я подожгла сцену. Это тоже был знак свыше?

Шайла лишь пожала плечами и отпустила меня.

Я забралась под одеяло с головой. Впервые не высушила волосы. Мне все ещё нужно было остыть, даже ценой ужасной прически с утра.

Подруга больше не спорила со мной, а вернулась к своим вечерним растяжкам. Мне пришлось прождать больше часа, прежде чем она закончит и ляжет спать. Когда дыхание моей соседки выровнялось, то я осторожно слезла с кровати и подошла к её прикроватному столику. Моя рука замерла над крохотным видеофоном. Мне отец не разрешал пользоваться таким, а денег на свой я так и не скопила. Понятия не имею, почему я не попросила у Шай посмотреть запись сегодняшнего выступления. Мне было страшно, но чего я боялась? Того что Винсент прав, и моя музыка скучна и безжизненна? Глупости!

Сдернула видеофон со стола вместе с наушниками и рванула к себе в постель. Я не собираюсь смотреть личную переписку Шай, или её фотографии. Мне хотелось поскорее войти в эфир и убедиться, что Вестерхольт лишь задирал меня. Моя игра всегда была идеальной! Люди любят мою музыку!

Я не без труда отыскала записи своих выступлений. У них едва ли были просмотры в глобальном эфире, а уж тем более звёздочки. Запустила пьесу, которую я играла на отборочном туре, надеясь найти изъян. Вот только изъяна-то и не было. Идеальная партия, настолько чёткая, что хотелось завыть. Даже мой аккомпаниатор едва ли не спала за роялем. Тоже можно было сказать и о зрителях. Скучающие лица, зевки, а после жидкие аплодисменты, которые мне дарили скорее из вежливости и уважения к отцу. Дочь министра обороны как никак.

Я прижала руки к лицу так сильно, что перед глазами заплясали радужные блики, смазывая совсем безрадужную картинку, которую я только что увидела. Мысленно я вновь возвращалась к нашей с Винсентом дуэли. Раз за разом я прогоняла в голове сыгранные партии, проживала эту дрожь на кончиках пальцев заново. Знать бы, где Шая нашла дуэль? Нашего видео в эфире не было. Либо никто не подсуетился, либо папа уже заставил убрать мой позор.

Странно, что он не мчится в академию, чтобы забрать меня домой. Кажется, условием моей учебы здесь, а не на дому, было клятвенное обещание не влипать в неприятности. И я отлично справлялась с этим все три года вплоть до сегодняшнего дня.

С лёгким стоном откинулась на постель, не расставаясь с видеофоном и наушниками. Мне все ещё не спалось. Вбила в поиск название группы Винсента, и эфир запестрел множеством записей с их концертов. А они плодовиты. Берут, конечно, не качеством, а количеством. Сплошь ночные клубы и другие сомнительные заведения. Отчего-то мне стало грустно и горько за свои слова за кулисами. Зря я лабухами их назвала. Вырвалось в сердцах. Но откуда мне было знать, что по-настоящему большой сценой в карьере Вестерхольта и его команды даже не пахнет? Вот почему он так отчаянно упрашивал Амадея сменить гнев на милость.

Помотала головой. Не я начала эту войну. Не я задирал а Винса и его команду, и уж точно не я ответственна за их дисквалификацию.

Мой палец замер над ещё одним видео. В этот раз не концертное. Винсент настраивает акустическую гитару. Он один, взгляд к объективу. Не в камеру смотрит, а в самую душу. Мою душу.

Я уже приготовилась послушать очередное его откровение, как видеофон в моих руках разразился мерзким пиликаньем. А на кой черт Шае приспичило ставить будильник так глубоко за полночь?

Подруга сонно заворочалась, а я быстро вернула телефон на место и нырнул обратно под одеяло, пока меня не застукали.

Я слышала её суетливые сборы. Шай, не включая света, одевалась, проверяла что-то, звякала ключами от нашей комнаты, а затем ушла, притворив дверь.

Я откинула одеяло и озадаченно оглядела пустую комнату. Куда это она в такой час?

Взгляд на прикроватную тумбочку. Видеофон она забрала. А вот наушники с плеером так и остались лежать на столе.

В последнее время я и так нарушаю слишком много правил. Одним больше. Кто считает?

Нашла песню, которую так и не дослушала в ванной.

Я придумал тебя.

Я поверил в обман.

Я не существовала более в этом мире. Да ну! Глупости. Конечно, я существовала! Сквозь неумолимо наваливающуюся на меня дрёму я едва чувствовала своё тело. Но все же чувствовала. Ноги, торчащие из-под одеяла. Немного зябко. Надо бы спрятать их, но я ленилась. Ночь вытягивала из меня силы, волю и воспоминания. Только невнятные ощущения какое-то время были при мне, но и они вскоре пропали, оставив лишь слух. Вся я сейчас отдавалась пульсирующей в наушниках музыке. Песня, попавшая в бесконечную петлю, повторялась раз за разом, не выпуская меня из своего плена, и вот мы вместе с ней оказались одни во вселенной. Я крохотная мошка, а она вязкая смола, и теперь нас двоих ласково шлифуют морские волны. Без меня не будет её. Музыке нужен слушатель. И я тоже пропаду, исчезни она. От меня же остался лишь слух в тишине, ведь даже мои голые ноги больше не морозит воздух. Я уже стираюсь из этого мира. Мы неотделимы друг от друга. Мошка и янтарь. Я и Винсент.

Я придумал тебя.

Я поверил в обман.

Не было надрыва в голосе Винсента Вестерхольта. Он пел умиротворённо, нежно перебирая струны акустической гитары, а я словно сидела рядом, уткнувшись ему в плечо и слушала, слушала, слушала одни и те же строки вот уже целую янтарную вечность.

Но реальность так зла, придушила змеёй,

Прикопала землей

Воспоминания,

Которых нет.

Их нет.

Мне хочется успокоить его. Сказать, что и реальности тоже больше нет. Перед нами стелется прекрасная вселенская пустота, зачем же тревожиться? Но Винсент не видит меня и продолжает устало петь строки, которых я не понимаю.

И я диким зверем рычу

В своих песнях кричу.

Так услышь же мой крик,

Пока он не стих.

Нана…

Лжец. Прямо сейчас ты не кричишь и не рычишь. Ты сдался! Именно в тот момент, когда я наконец-то тебя услышала. Но что же, задерите меня Великие Музы, я такое услышала? Да и мало ли на свете девушек по имени Нана? Почему я решила, что кумир тысяч и тысяч девиц по всему Острайху поет именно для меня? Песня зашла на ещё один круг, все ещё не давая ответов на мои вопросы. Нужно придумать новые. Смотрю на непривычно отрешенное лицо Винсента. Долго, жадно. Меня гипнотизирует дурацкое кольцо на его нижней губе, я более не выдерживаю молчания и повергаю в ступор своё же сновидение. – Скажи-ка мне, как это? Он вдруг перестает играть. Медиатор в его руке замирает. Видимо, плеер вконец разрядился, или я уснула, но продолжаю бессовестно грезить этим мерзавцем. – Что именно? – хмурится Вестерхольт. – Как целоваться с этой штукой? Давно ли я стала такой смелой? Видимо, в тот миг, когда публично обозвала его кабачным лабухом. Его! Кумира тысяч девиц, которые щедро закидали меня тухлыми яйцами и помидорами после концерта. То ли ещё будет завтра, когда я пойду на пары! Винсент из моего сновидения остался верен себе. Свет поиграл на его серьге, когда мой извечный соперник усмехнулся мне, а затем ответил в своей же издевательской манере. – Принцесса-зубрилка не знает ответа на такой простой вопрос? Разумеется, я не знаю! В книгах такому не учат. По крайней мере в тех, что читаю я. – Принцесса-зубрилка никогда не целовалась с кабачными лабухами! – я зачем-то оскорбляю его вновь, но Винсент из моего сна совершенно не злится, в отличие от Винсента настоящего. Вместо этого он с улыбкой выдает одно-

единственное: – Врушка. Медиатор между его пальцев вновь оживает, и Вестерхольт возвращается к своей бесконечной песне, так и не ответив на мой вопрос о поцелуях.

Воспоминания,
Которых нет.
Их нет.

Глава 4

Проснулась от запаха крепкого кофе и от того, что Шая шумно собиралась на занятия. Для меня она тоже приготовила чашку и поставила на сервировочный столик.

Мне мгновенно стало совестно за то, что я брала её видеофон без спроса, но сил признаться так и не нашлось, как и спросить, куда она сбегала ночью.

– Спасибо, – заспанно прохрипела я, взяв в руки обжигающе горячую чашку.

Подруга как-то забавно отсалютовала мне и принялась остервенело канифолить свои балетки и пуанты. Странная она в последние дни. Хотя кто не без грешка?

Кофе у Шай всегда получался разным. То приторно сладкий, то с нотками специй, то с преступным количеством сиропа и молока, но сегодня только горечь и обида, отлично резонирующие с моим состоянием.

– Всё в порядке? – я спросила подругу, и она как-то неуверенно пожала плечами.

– Герр Вагнер скоро будет выбирать новую приму для выступлений. Не думаю, что у меня есть хоть какие-то шансы. Но черт возьми, я так устала быть статистом и играть либо дерево, либо ребёнка, либо кого-то из свиты принцессы. Что со мной не так?

Я бы сказала ей. Но думаю, Шая и так все прекрасно понимает. Слишком уж она была неформатная для нимф с факультета классического танца. Невысокая, резковатая и слишком открытая. А ещё эти её милые слегка оттопыренные уши. Маленький эльф среди холодных и неприступных фейри. Вагнер никогда не даст ей ведущую роль, и плевать, что она работает усерднее всех, полностью отдается танцу и своей мечте. Шая просто не вписывается в идеальную балетную картинку.

– Я приду на отбор, – пообещала подруге, и она невесело повела плечами.

– И станешь свидетелем того, как мне дадут роль качающегося на ветру куста.

– И ты будешь самым лучшим кустом. Душистой жимолостью, – попыталась подбодрить её, но Шая лишь пробурчала:

– Уж лучше волчьей ягодной, чтоб их всех понос разобрал прямо на сцене от моего танца.

Я чуть кофе не подавилась. Крепко же обидели Шайло, что милый эльф начал ругаться, как гоблин.

Когда подруга безжалостно расправилась с пуантами, да так что они больше походили на двух растерзанных птичек, её взгляд упал на мои спутанные волосы.

– Помочь? – не то угрожающе, не то заботливо предложила Шай, но я лишь быстро замотала головой и попятилась.

– Ну смотри. Тогда я побежала. Обязательно приходи вечером на мои отборочные, должна же хоть кому-то пореветься в плечо после!

– Оба моих плеча всегда к твоим услугам, но я уверена, что в этот раз тебе повезёт.

– Врушка, – ласково отозвалась Шай, и я прижала руку к груди, где все мгновенно сжалось от этого слова.

Винсент точно так же сказал мне во сне. Только ему я точно не врала. Не целовалась я с теми, у кого губа проколота. Я вообще ни с кем не целовалась! Хотя это ему знать не обязательно!

Шай уже полностью собралась, закинула на плечо рюкзак и послала мне на прощание воздушный поцелуй. И как у неё получается даже в такие тёмные моменты сохранять позитивный настрой. Она так часто проигрывала, но продолжает улыбаться и бороться. Я же после первого проигрыша чувствую себя настолько разбитой и униженной, что носа боюсь на улицу высунуть. Что скажет отец? Что подумает мастер Флориан?

Но пары никто не отменял. Вздохнула и подошла к туалетному столику. Зря я отказалась от помощи Шайло, по моим волосам сейчас плачет даже не расческа, а портняжные ножницы.

Они волнились, путались змеями и разве что не шипели на гребень. Отложила его в сторону. А что если?

Порылась в ящичках и выудила старую панфлейту. Уже и не помню, когда последний раз играла на ней. Приятный свист когда-то успокаивал меня и вводил в легкий транс.

Вдруг и с волосами получится найти управу. Погладила трубочки разной длины, которые чем-то действительно напоминали расческу. Приложила их к губам и легонько подула, возрождая в памяти слова Вестерхольта.

– Думай обо мне и продолжай играть.

Я думала о нём. Против воли, против всех своих принципов, я думала о том, кого так горячо ненавидела, да только ненависти отчего-то не было. Было что-то другое, но такое же обжигающее.

Музыка, древняя, как сами Великие Музы, полилась из флейты и окутала меня плотным коконом спокойствия. Да только моё дыхание было неровным и нервным, я срывалась, нарушала идеальную мелодию, вплетая в нее что-то своё. Импровизация?

Когда я открыла глаза, волосы мои были все ещё в легком беспорядке, но смотрелось это хорошо. Непривычно, но определённо хорошо. Коснулась завитков и улыбнулась себе.

Щеку ещё слегка саднило после прилетевшего яблока, но настроение явно улучшилось. Выложила из сумки запасной гребень и положила на его место панфлейту. Так теперь я и буду причесываться! Музыкой!

Поправила аккуратной стопочкой свой доклад для пары по истории музыки. Проверила нотные тетради и заточку карандашей. Я во всеоружии! Ах нет. Бубен! Вряд ли фанатки Винсента остыли, а в Острайхе перевелись тухлые яйца и помидоры.

В домике нашего университетского сестринства было подозрительно тихо. Обычно по утрам здесь царит такая же суета, какую недавно навела Шая в комнате. Но сегодня не было беготни и суеты. Редкие сёстры, которые ещё не ушли на занятия тихо обсуждали что-то, но завидев меня, тут же прекращали разговор и многозначительно смотрели друг на друга.

– Елена, можно тебя на минуточку, – сладко пропела президент нашего сестринства с не менее приторной улыбкой на губах.

От её голоса и этой гримасы у меня мгновенно подскочил уровень сахара в крови. Не припомню ни единого случая, чтобы что-то хорошее начиналось вот так.

– Доброе утро Виктория, ты что-то хотела?

Она оценивающе изучала меня с головы до ног. Её взгляд задержался на моих идеально натёртых туфлях, учебной мантии без единой складочки или пятнышка. Я чувствовала, что она ищет за что зацепиться, и она нашла это.

– Странная прическа. Может, одолжить тебе гребень? Свой ты, очевидно, потеряла.

Моя рука мгновенно взметнулась к волосам, и что-то едкое и обиженное уже начинало подниматься в груди. Это что-то требовало от меня немедленной сатисфакции, как вчера, когда мы сражались с Винсом. Мне-то все нравилось в моей прическе. Ещё несколько минут назад, когда я смотрелась в зеркало, я была вполне счастлива.

– Благодарю Виктория, – я все держала себя в рамках приличия, кем бы ни был мой отец, но даже его имя бессильно в этом токсичном девичьем царстве, которым заправляет дочь графа Верхнего Острайха.

– По возможности, приди сегодня пораньше с занятий. Есть важный разговор.

Я сглотнула и тут же растеряла свой боевой настрой. Ничего хорошего фраза “важный разговор” никогда не предвещала. Все важные разговоры, которые инициировала Виктория заканчивались одинаково: кого-то из сестёр выгоняли на общем голосовании. А голосовали все, так же как Виктория.

Растерянно кивнула и пообещала не опаздывать.

Глупости же? Чего я такого сделала, чтобы меня выгнали?

Или сделала?

Встряхнулась, когда вышла на улицу, и обволакивающий звон тут же отвлек меня от мрачных мыслей.

Бубен герра Циммермана особенный не иначе. Пока я шла к главному корпусу, он то и дело весело позвякивал, что я почти полностью растворилась в этой нестройной и озорной мелодии, напрочь забыв обо всем. Дисквалификация, возможный гнев отца, нахальство Винсента, его мстительные фанатки, Виктория с ее снобизмом и властью: все это сбежало, зажав уши, едва я потревожила незатейливый музыкальный инструмент.

Жаль, что дорога до главного корпуса была недолгой. Домик нашего престижного сестринства едва ли не граничил с учебными зданиями, и вот уже в главном холле от моей прежней беззаботности не осталось и следа. Едва я переступила порог, как натужная тишина поглотила собой все кроме звука моих шагов.

Кто-то прокашлялся, кто-то шуршал бумагами, кто-то подавил смешок, и все они смотрели на меня.

Чем-то это напомнило видео с моих концертов, разве что интереса во взглядах больше, но там тоже кашляли, шуршали и посмеивались.

Я поправила на плече ремень от сумки и прибавила шагу до секции с моим персональным шкафчиком. Нужно было забрать часть книг, выложить лишнее и перевести дух.

Передо мной расступались, но не из уважения, я словно резко стала для всех мерзким гадом. Хорошо хоть не кидались ничем. Да и не нужно им было. Эффект от этой гробовой тишины был куда сильнее реальной расправы. Тишины в моей жизни было слишком много, так много, что даже музыка не смогла полностью её заполнить.

Дрожащими руками я пыталась открыть замок на шкафчике, но сделать это было куда труднее, чем сыграть ураганный каприс мастеров прошлого. Никто не должен видеть мой страх и волнение. Никто.

Но вот я не попала ключом первый раз и визгливо царапнула по замку. Словно допустила ошибку прямо на сцене. Но я не допускаю ошибок! Я…

– Ты большая молодец.

Отец дежурно хвалит меня, не отвлекаясь от важных переговоров. Тогда я была слишком маленькой, чтобы понимать, о чем говорят взрослые, но одно я усвоила твёрдо – эта похвала, все что у меня есть. Все, что у меня осталось. Значит, я должна лучше. Заслужить большего. Достичь идеала, отточенной мелодии, прекрасной и выверенной гармонии.

– Ты большая молодец.

От моих наград ломится полка, а под грамотами не видно, какого цвета обои были в моей комнате. Отец все так же занят, но и я уже старше. Теперь-то я прекрасно понимаю важность взрослых разговоров. Понимаю и не мешаю. Покорно прикрываю дверь его кабинета и вновь начинаю музицировать. Потому что его похвала – это то немногое, что у меня есть.

– Ты большая молодец.

От этих пустых слов разбивается сердце. Я снова хочу стать маленькой и поверить, что я действительно молодец. Пыль скопилась на наградах, и я уже не протираю её, когда приезжаю на праздники. Даже в такие редкие моменты, у отца все равно нет времени на меня. Лишь дежурные фразы и молчаливые ужины. А я уже слишком взрослая, чтобы поверить ему. Важные разговоры ведутся за закрытой дверью, а из музыки исчезают последние краски, оставляя лишь сухую выверенную математику.

Его бесцветная похвала – это все, что у меня было.

Победный щелчок замка.

Я все-таки открыла шкафчик, вот только мой триумф быстро обернулся кошмаром. Потому что мерзкая липкая жижа плеснула на меня, едва створка отъехала в сторону.

Вчера я лучше держала удар.

Что изменилось?

Тишина наконец-то лопнула, только разразилась не овациями, а дружным смехом и свистом.

Что ж кто-то из композиторов однажды сказал, что хуже истовой ненависти может быть только всеобщее равнодушие. Сегодня я поднялась над собой на целую ступень. Вся академия собралась поглазеть на меня.

Блеск.

Чем бы не залили мой шкафчик, оно уничтожило не только мои тетради и книги, но впиталось в мантию и сумку, склеило металлические тарелочки бубна, сделало мои пальцы липкими и лишило всяческой возможности защищаться.

– Сейчас! – раздалось откуда-то из толпы.

Я лишь испуганно вскинула руки, ожидая, что меня вновь чем-то закидают, но сегодня адепты высоких искусств были изобретательнее, и меня всего-навсего обсыпали перьями, которые тут же пристали к пальцам, мантии и совсем недавно идеально чистым туфлям.

Все кричали, хлопали и улюлюкали.

В жизни не слышала столько обидных слов за раз. Что ж Винсент и тут был прав, его группу все любили, а меня отчаянно терпели, и прямо сейчас на мне отыгрывались не только за сорванное выступление Парамнезии, но и за все остальное, включая жёсткую политику моего отца. В нашей академии, где каждый пятый появился на свет в Хангрии, а каждый третий так или иначе породнился с нашими южными соседями, многие решения относительно взаимоотношений Острайха и Хангрии вызывали подчас справедливое негодование. Запреты на браки, ограничение гражданских прав, жёсткие миграционные правила.

Из-за многочисленных бунтов, вызванных хангрийцами в прошлом, стране пришлось взять под контроль каждого жителя, каждую семью, чтобы не допустить новой войны или революции.

Но меня это мало волновало, я всего лишь хотела учиться музыке, быть как все. Я дочь моего отца, но это не значит, что его решения – это мои решения.

Две руки легли мне на плечи и уверенно повели сквозь разъяренную и заряженную толпу. Вот и все. Сейчас меня на части растерзают. Прижала руки к лицу, забыв о липкой дряни и перьях. Отдернулась, но поздно, часть этого месива теперь осталась на щеках и под глазами. Все жутко чесалось и кололось, а я даже смахнуть это не могла.

Слишком долго идём. Толпа и крики остались позади. Лестница, уходящая куда-то вверх, проснулась под моими ногами, длинные коридоры. Грубый толчок в дверь где-то над моей головой, ленивые гитарные переборы, а затем не менее грубое:

– Полюбуйся, Винсент!

– Виви?

Музыка оборвалась, прыжок, скрип старых половиц.

– Я все ещё не разговариваю с тобой после вчерашнего. Не обольщайся. Просто посмотри, что ты натворил.

Сестра Вестерхольта подтолкнула меня вперёд, и я попыталась открыть тяжёлые веки, на которых словно тоже выросли перья.

– Кто это? О…

Лёгкий смешок, который тут же сменился кашлем.

– Ну не я же сделал это с принцессой-зубрилкой.

– Конечно, Винс. У тебя вокруг все виноваты, кроме тебя. И дисквалифицировали нас тоже не из-за тебя. Чертовски удобная позиция.

Он молчал, и я бы многое отдала, чтобы увидеть сейчас его лицо.

– Исправляй. Только представь, что нам всем устроит её отец, если узнает?

Они обсуждали меня так, словно я не стояла рядом, а Виви все ещё подталкивала меня вперёд. Но я как-то не спешила шагать к Винсенту.

– Я-то исправлю, но тогда и ты забудешь свои обиды и выступишь сегодня в клубе.

– Ты не в том положении, чтобы торговаться со мной, Винни. Ты чудом уговорил Ласло и Деметра сыграть с тобой, но я на это больше не поведусь. Умей отвечать за свои поступки.

Снова напряжённая тишина. Я чувствовала, как Вестерхольт сквозь зубы втягивает воздух.

Решила первой прийти ему на помощь, зачем себя бедного пересиливать?

– Я сама, что ли, не отмоюсь? Не нужны мне никакие одолжения.

Потянула одно из особенно длинных перьев на пальце, но тут же вскрикнула от боли. Оно не просто приклеилось, оно выросло мне под кожу!

– Стой!

Винсент схватил меня за запястья, и я почувствовала, как его руки дрожат. Не отошёл после игры? Это магия в нём так бурлит и вибрирует?

– Поранишься, и уже не сможешь играть.

– Какое тебе-то дело? – обида лилась из меня без остановки. – Меня же все терпят. Я посмотрела свои записи. Ты прав! Никому не нравится моя игра. Доволен?

Вивиан зло бросила брату что-то на хангрийском и вышла из комнаты, хлопнув дверью и оставив меня наедине с этим сумасшедшим. Я даже испуганно шмыгнула носом.

– Ты ведь не ждёшь от меня извинений? – спросил он с насмешкой.

– Я вообще не знаю, зачем я здесь и чего от тебя ждать. Ещё вчера я выступала на большой сцене, я побеждала, меня никто не обливал мерзкой жижей и не осыпал перьями. Все. Было. Хорошо.

– Хорошо ли? – продолжал насмехаться Вестерхольт, и я попытался вырвать свои руки из его. Но Винсент был гораздо сильнее, я чувствовала на своей коже крепкое прикосновение его мозолистых пальцев. Но всё равно он был осторожен.

Нет. Другое слово. Нежен. Винсент гладил приросшие ко мне перья. Я двинулась, если действительно так считаю. Видимо, надышалась жижей, которая, кстати, уже давно засохла и превратилась в твердую корку.

– Хорошо, – ответила ему, надеясь, что под налипшими на лице перьями не углядеть моего румянца.

– Ладно, давай уже ощиплем одну курочку? Готова?

Курочкой это он меня назвал сейчас?

Надо бы возмутиться, но я лишь кивнула. Знать бы, каким образом он собрался это делать.

– Больно не будет? – спросила его, стараясь храбриться, и услышала в ответ:

– Тебе? Нет.

Винсент ещё какое-то время собирался с мыслями, продолжая держать меня за руки, а я раздумывала над его ответом. Мне больно не будет, а кому тогда? Ему? Переспросить отчего-то не решалась. Ждала, чем все закончится.

Винсент вдруг резко перешел на хангрийский. Не поняла ни слова, он словно разговаривал сам с собой, оправдывался, нервно посмеивался. Так паршиво мне помогать?

Очередной его мучительный вздох, а затем Винс запел. Сначала неуверенно, смущенно, но всё так же на хангрийском. Ничего подобного я не слышала у его группы, но отчего-то мотив был до боли знаком.

Почему же я не учила этот язык? Немного рубленный, но все равно нежнее острайхского. Чуть-чуть смешной, непривычный, похож на загадочный десерт. Ингредиенты вроде привыч-

ные. Местоимения, глаголы. Вот только полито все необычным терпким акцентом. Хочется попробовать, но все равно боязно.

En, Te…

Я, Ты…

Пыталась запомнить слова, чтобы посмотреть их в словаре позже, но они ускользали от меня.

Пение становилось увереннее, оно ласкало уже не только мой слух, оно нежно обволакивало мои руки. Винсент большими пальцами поглаживал мою кожу, смахивая перья. Так осторожно, так тонко. Ему бы на факультет медицины с его талантом, а он играет по кабакам. Почему?

Почувствовала легкую досаду, когда он убрал свои руки. Но уже в следующий миг он коснулся моей щеки, и магия послушно следовала за его движениями. Он закончил петь, а я все ещё сидела с закрытыми глазами.

– Уже можно, фройляйн Адель, – насмешливо бросил мне Винс.

Вот как? Я больше не Нана?

Распахнула глаза, коснулась гладкой щеки и подняла взгляд на Вестерхольта.

– Я твоя должница теперь. Благодарить не буду.

– Не благодари.

Он лишь пожал плечами, продолжая стоять слишком близко, так близко, что я отчетливо улавливала вибрации едва сдерживаемой магии. Её было так много в нем сейчас, что он боролся сам с собой, лишь бы подавить рвущуюся наружу музыку. Винсенту было плохо, а мне мало.

Скажи ему, Нана! Скажи, что хочешь еще его пения. Тебе же понравилось. Скажи. Это так просто.

Но вместо этого я молчала и зачарованно смотрела на блеск его серьги. Мой ночной вопрос так и остался без ответа. Что я теряю?

– Скажи-ка мне, как это?

Я начинаю претворять свой сон в жизнь, а Винсент слово в слово повторяет свою реплику:

– Что именно?

Я слегка привстаю и заворожено тяну руку к его лицу. Почему же мне так важно это узнать какой на вкус этот поцелуй? Холод, сталь, соль?

– Как цело…

Почти спросила, почти коснулась его губ, как дверь распахнулся. Быстро отпрянула от Вестерхольта, а он слегка раздражённо посмотрел на вошедших.

На пороге стояли Ласло и Марко. Вид у инструменталистов Парамнезии был комичный. Из всех карманов у них торчали видеофоны разного калибра и моделей, да и в руках была целая гора устройств.

– Вот, – устало выдал потрёпанный барабанщик Ласло. Такое ощущение, что на нем висли с десяток девиц, они же и взъерошили его длинные волосы пшеничного цвета.

Марк. Клавишник. Высыпал свой улов молча. Поправил очки и не без интереса наблюдал за мной и Винсентом. Его взгляд задержался на горке перьев под нашими ногами, а на губах появилась странная улыбка. Не насмешливая. А слишком понимающая.

– Это ещё зачем? – спросил Винс.

– Виви велела удалить все записи с… – Ласло не знал, как обратиться ко мне.

По имени отца.Назвать министерской дочкой? Принцессой.

– С курочкой, – пришёл ему на помощь Винсент, и я одарила его гневным взглядом.

Марко и Ласло даже не думали смеяться, они выглядели так, словно мой отец стоит в этой комнате, аккурат у меня за спиной.

– Записи с фройляйн Ден Адель, – уточнил Марк. – Ты начинай, а мы ещё принесем.

Я невесело посмотрела на горку из видеофонов. Вот так популярность на меня свалилась. Уже можно начинать гордиться?

– Удачи тебе с этим, – едко улыбнулась Винсу, который задумчиво прикидывал фронт работы.

Повернулась к двери, чтобы оставить его разбираться со всем этим, как он вновь схватил меня за запястье.

– Должок, курочка. Я тебя исцелил, садись и помогай.

– У меня сейчас нет на это времени. Мне нужно на занятия!

Если честно впервые в жизни на занятия я не очень-то торопилась. Скорее всего буду сидеть в одной аудитории рядом с теми, кто щедро осыпал меня перьями. Конечно, неплохо было бы показать им, что я ничего не боюсь и уже оправилась от унижения. Но прямо сейчас я бы осталась на этом пыльном чердаке.

– Ты уже опоздала. Чего терять-то?

– А ты чего не на парах? – парировала я.

– Чему меня могут научить закостенелые старпёры из академии, чего я не знаю сам? – не моргнув выдал Винсент, и у меня даже челюсть от такой наглости отвисла.

– Я никогда не прогуливала занятия, – с каким-то священным трепетом пробормотала я.

– Тебя и с конкурсов поди никогда не дисквалифицировали?

Замотала головой.

– Садись. Быстрее сделаем, быстрее принцесса-зубрилка вернётся к своим книжкам.

– Не называй меня так! – продолжала ворчать я, но все же села за стол.

– Значит все-таки курочка? – Винсент устроился напротив.

– Морду твою опалю, Вестерхольт, – в конец осмелела я, но его моя пушистая угроза совсем не испугала.

– И как тебя называть тогда?

– Лена.

Совсем не то. Я прекрасно знала, как мне нравится. И он, кажется, знал. Только не называл меня так больше.

Глава 5

Поделили с Винсентом видеофоны, и какое-то время молча удаляли записи. Я приноровилась не сразу. Модели сильно отличались друг от друга, и я долго и мучительно тыкалась в поисках галереи. Но дольше всего я рассматривала сами устройства. У каждого свой особенный чехольчик, на некоторых висели забавные брелоки, и я не без улыбки взвешивала их на ладони.

– А у тебя есть такой? – Вестерхольт первым нарушил тишину, и я суетливо отложила в сторону очередной видеофон.

– А? – быстро уткнулась в следующий, изображая бурную деятельность.

– Видеофон есть у тебя? – повторил вопрос Винс, и я почувствовала, что вновь начинаю краснеть.

Отчего-то это казалось мне таким же интимным, как спросить, целовалась ли я. И так же стыдно на оба эти вопроса ответить: нет.

– Был. Давно, – соврала я, не поднимая глаз.

Вестерхольт никак это не прокомментировал, и я снова занялась изучением брелоков, а не своих позорных видео. Последний был в форме сердечка и немного переливался на свету.

– Нравится? – ещё одно беспардонное вторжение Винсента в мои мысли.

– Нет, – я уже хотела бы отложить его в сторону, как Вестерхольт перекинулся через стол и забрал у меня видеофон.

– Смотри. Сейчас я позвоню на него.

Он принялся быстро набирать что-то, затем протянул мне устройство обратно. Через несколько мгновений брелок начал светиться. Для человека, который может музыкой вызывать реалистичные иллюзии, такая мелочь определенно должна была показаться чепухой, но я отчего-то ахнула.

– Как это? Магия?

Я ожидала, что Винсент рассмеется или скажет что-то обидное, а он взяли и начал объяснять.

– Никакой магии. Чистая наука. Во время звонка происходит электромагнитное излучение, оно и заставляет брелок светиться. Здорово, да?

– Здорово, – зачаровано согласилась. Никаких нот, тренировок, волшебство от нажатия кнопки.

– Представь, что однажды наша магия больше никому не будет нужна. Нас заменят вот такие штуки, – с легкой горечью выдохнул Винс, сбросил вызов, и брелок погас.

Задумалась над этими словами, но затем вспомнила его песни. На сердце стало предательски тепло, а губы сами собой произнесли:

– Нас не заменят никогда.

– Ну тебя-то точно. Ты сама как машина играешь и никогда не сбоишь, – а вот теперь он рассмеялся, и мне бы стоило обидеться, да только силы на обиды я сегодня исчерпала.

Продолжала удалять видео, изредка подглядывая за Винсентом. Он почти управился со своей горкой и теперь внимательно изучал что-то на экране. Смех, свист, выкрики на хангрийском.

Одно из слов заставило Вестерхольта мгновенно перемениться в лице. Даже когда я лабухом его назвала за кулисами, он не был так зол, как сейчас.

– Что там сказали?

– Хангрийским ты, видимо, не владеешь? – изрек он и покачал головой. – Принцесса-зубрилка не такая уж и зубрилка оказывается. Не учит языки, не знает про электромагнитные излучения, даже с видеофонами едва управляется.

– Это так плохо? – бросила ему с вызовом, но он лишь пожал плечами.

– Это грустно и скучно, Лена. Твоя жизнь проходит мимо.

– Оттого что я не знаю ругательств на твоём родном языке и не сижу часами, просматривая эфир?

– Отчасти, – совершенно спокойно продолжал он. – Ты живешь в очень крохотном и ограниченном мире. Может, именно поэтому твоя музыка такая однообразная.

Я вскочила со стула, уперла руки в стол и гневно воззрилась на этого лабуха. Вот только сказать было нечего, и пока я отчаянно придумывала ему обидную ответку, дверь снова отворилась. Марко и Ласло вернулись с новой партией видеофонов.

–Надо же, вы не переубивали друг друга, – хохотнул Лас и высыпал свою порцию конфиската.

Винсент лишь вскинул руки:

– Я сама миролюбивость.

– Сказал призыватель змей и медведей, – процедила я.

– Отличные кстати зверюшки были, пока ты их не растерзала, Курочка, – подначивал меня Винсент.

Я бы и дальше продолжила эту перепалку, если бы Марко не встрял.

– Что мы решили с выступлением? Виви ни в какую не соглашается.

– И не согласится, я свою сестру знаю, – мрачно ответил Винс. – Есть кто на примете у вас? Кто может на себя взять её партии.

Ласло скривился, словно ему предложили выпить яду.

– Ты серьёзно? Предлагаешь нам за день сыграться с новым басистом? Мы опозоримся, Винс. Даже если будем играть не своё, а попсовые каверы, лучше вернуть деньги и не выступать вообще.

–Тогда про этот клуб мы можем забыть навсегда. Такой подставы нам не простят, – задумчиво рассуждал Вестерхольт, покусывая большой палец.

– А в чем собственно сложность? – встряла я, и на меня оскорблённо уставились сразу три музыканта.

– Курочка не понимает ценность басиста в группе? – Винсент снова взялся за старое, и я закатила глаза. Боже, почему рок-музыканты так любят себя переоценивать.

– Я понимаю ценность басиста. Ритмическая сплоченность, низкочастотные вибрации, грув.

Судя по лицу Ласло этих слов он не знал, а вот Винсент смотрел на меня с интересом.

– Похвально, зубрилка. И как твои бесценные знания нам помогут?

– Я могу легко сыграть партии Вивиан.

После сегодняшних унижений, вишенкой на торте которых стала помощь Винсента, мужской хохот меня уже не цеплял. А Марко и Ласло прямо старались. Картинно держались за животы и смахивали с лица невидимые слезы. А нет… слезы были неподдельными. Быстро же их перестало пугать имя моего отца. Видимо, после того как Винс раз пять назвал меня курочкой, а его не расстреляли за госизмену, эти двое решили меня больше не бояться.

Не смеялся только Винсент. Он терзал свою серьгу. Покусывал её, покручивал языком, а я боролась с мурашками, которые возникали у меня этих завораживающих движений.

– Десять песен осилишь к вечеру? – задумчиво спросил Вестехольт, все ещё насилуя свою серьгу.

Я поборола свой снобизм и на стала называть их песни примитивным завыванием, которое можно заучить меньше чем за час, а лишь коротко кивнула.

– Инструмент есть?

– Найду.

Винсент думал, смотрел на меня, прикидывал что-то, боролся с собой.

– Ты же не серьёзно? Винни, да ты глянь на неё, – ворчал Ласло. – У нас столько фанатов в академии, куда народа откликнется.

– Мне не нужны фанаты, – жестко ответил Вестерхольт. – Мне нужен кто-то с серьёзным подходом. Ты точно справишься, Елена?

– Инструмент, десять ваших песен. Что-то ещё?

– Марко распечатает партии. А я заеду за тобой в восемь вечера. Бывайте!

Так просто? Он согласился? Даже не попросил меня показать, что я умею.

С этими словами он подобрал свою акустическую гитару и побрел к дверям.

– Эй, Винс! А видеофоны? – Ласло отчаянно указывал на ещё не разобранную горку на столе.

– Курочка поможет, а у меня планы, – он подмигнул мне, и покинул чердак.

Едва дверь хлопнула, Марко и Ласло синхронно выругались на хангрийском. Не нужно было знать язык, чтобы догадаться, что это ругательство. Нечто похожее прилетело мне сегодня утром поверх жижи и перьев.

Быстрее сяду, быстрее закончу. Первой устроилась на стуле и продолжила удалять свои записи.

Ребята присоединись, но я чувствовала, как их распирает от вопросов.

– А ты точно умеешь играть на басу? – с неприкрытым сомнением поинтересовался Марк.

Я лишь самодовольно вскинула голову и ответила ему полным уверенности взглядом. Вот только в квадратных очках клавишника Парамнезии отразилось совсем неуверенное лицо.

Я в жизни не держала бас гитару. Вот сегодня как раз и узнаю, умею я на ней играть или нет. Это же не должно быть сложнее скрипки?

Когда с видеофонами было наконец покончено, на Ласло взвалили самую неприятную часть работы. Ему нужно было вернуть все изъятое владельцам. С недовольным кряхтением он начал собирать устройства в коробку. Я же пошла за Марко в копировальную комнату.

Он не разговаривал со мной почти всю дорогу и явно был не рад моему обществу. Можно подумать, я счастлива от истории, в которую влипла в прямом и переносном смысле этого слова.

Редкие адепты высоких, которые встречались нам по пути, провожали нас вопросительными взглядами. Но хоть не кидались ничем. Интересно, какая по счету пара идёт сейчас? И что мне будет за прогул? Воображение рисовала ещё одну объяснительную в кабинете герра Циммермана. Почему же мой конвоир молчит, вот бы разбавил мои невеселые мысли хоть на минуту.

Только когда Марк подключил к множительной машине свой видеофон, я услышала:

– На всякий случай не обольщайся. Я не в восторге от твоей замены на сегодня.

– Даже не думала. Просто хочу отплатить Винсу за услугу. Не более.

Это было лишь отчасти правдой. В той части, в которой было не страшно признаться самой себе. Ну а если быть честной до конца, то мне хотелось повторить нашу дуэль, я мечтала вновь ощутить ту бурлящую на кончиках пальцев магию, утонуть в какофонии противоречивых чувств, услышать рокот толпы. Довольной, гневной, испуганной. Не важно. Я хочу жить этим.

Марко деловито закатал рукава мантии. Целая вязь татуировок покрывала его кожу от запястий и выше. Слова на хангрийском, ноты, древние магические символы.

Хотелось пошутить что-то про шпаргалку, которая всегда с собой, но парень был так серьёзен, что я лишь терпеливо ждала, когда он закончит с распечаткой. Старый копир скрипел и повизгивал от натуги, но упорно работал. Хоть и медленно. Так что мне приходилось и дальше терпеть общество недовольного Марко, а ему моё.

Наконец-то первый лист выполз из машины. Потянулась к нему, но Марк опередил меня.

– Это не просто песня. Её написала Виви специально для вчерашнего выступления. Эту партию она должна была играть на большой сцене. Это её долгожданный дебют и триумф, которые вы с Винсом грубо отняли. Отнесись хотя бы здесь с уважением к тому, что мы делаем.

Приняла лист из его рук, и в этот раз уже новое чувство разливалось в груди. Мне было стыдно? Как сегодня утром, когда держала чашку кофе, сваренного Шаей. Что со мной такое? В жизни не было стыдно и совестно, но после дуэли, во мне начало что-то ломаться. Сочувствие к Амадею, стыд перед Виви и Шай, злость на студентов, раздражение из-за Марко.

А ещё есть Винсент с его серьгой на губе. И тут все куда сложение. Тут сразу весь спектр неприятных эмоций, которые сливаются в удивительную сладко-болезненную гармонию…

– Я отыграю партию Виви безупречно и с уважением, – пообещала Марку, но он даже не посмотрел в мою сторону.

И хорошо. Потому что себя я видела в отражении стеклянного шкафа. Ручаюсь, обсыпанная перьями я выглядела лучше. Огромные влажные глаза. Испуг и полное непонимание, что делать дальше со всем этим новым и непонятным.

На всякий случай песню Виви я не стала читать в присутствии Марка. Вдруг я выдам себя какой-то гримасой? Песня не понравится мне, и я усмехнусь, фыркнуть или сморщусь. Позже. Ознакомлюсь, когда останусь одна.

– Остальные песни Винсента.

Марк раскладывал листы на свободном столе и делал в них пометки.

– В этих местах мы обычно делаем паузы. Начинаем хлопать и позволяем зрителям включиться в пение. Но ты продолжаешь играть. Держишь структуру все время. Качаешь толпу.

Кивала. Боже. Позволять зрителям петь! Какой непрофессионализм. Словно они забыли слова или играть разучились. Люди заплатили, чтобы слушать, а не выполнять работу музыканта! Кто вообще в своем уме стал бы платить, чтобы спеть?

– Я написал тебе свой номер. Позвони, если возникнут вопросы. Полноценную репетицию мы все равно сможем провести только в клубе во время проверки звука.

Кивнула, все ещё боясь открыть рот и обидеть Марко своими мыслями. Звонить ему я, конечно, не буду, но уже не из-за снобизма. У меня просто не с чего звонить.

– Тогда до вечера. Удачи тебе не желаю. Если ты сыграешь лучше Виви, а ты все делаешь идеально до зубового скрежета, я тебе этого никогда не прощу, Елена. Я искренне надеюсь, что ты облажаешься.

Вот и поговорили. Осталась один на один с распечатками. Меня мучил только один вопрос, если Марк желает мне провала, зачем тогда оставил номер и подробно расписал все места, которые могу вызвать у меня трудности.

Когда Марко ушёл, я заботливо собрала распечатки и убрала их в сумку. Я пропустила всего полторы пары и вполне успевала на оставшиеся занятия. Могу устроиться на последней парте и спокойно разучивать песни. При одном только беглом взгляде на листы, музыка уже слагалась в моей голове, а голос Винсента обрамлял все своим пением. Пальцы сами собой водили по воздуху, пытаясь нащупать мелодию. Я справлюсь. Непременно справлюсь.

Поспешила обратно к своему шкафчику. Нужно попробовать очистить его. Тем более я помню, что проделал со мной Вестерхольт. Я легко повторю эти хангрийские мотивы на флейте и избавлюсь от гадкой жижи.

Вот только в холле меня ждал новый сюрприз. Никаких следов недавнего побоища не было и в помине, из моего шкафчика не лилась сомнительная субстанция. Лишь кое-где в углу лежало несколько перьев. Осторожно потянула за ручку дверки и на всякий случай отпрыгнула едва створка отворилась.

Ничего. Тетради и книги аккуратно разложены. Чуда не произошло, и они уже не были красивыми и новенькими. Потрепанные слегка разбухшие страницы. Но сухие. И даже текст читаем.

Недолго гадала, кого благодарить за эту заботу. На внутренней стенке шкафчика была нацарапана картинка. Пригладила пальцем смешную пучеглазую курицу. И почему я не обижена? Почему мне приятно?

Обернулась. Никого не было в холле. Быстро приложила чистый лист бумаги к рисунку и заштриховала карандашом, переводя изображение. Сложила листочек с картинкой и спрятала в карман. Понятия не имею, зачем я это сделала, но сейчас это казалось мне важным. Очень важным.

Курочка…

Прозвучало в мыслях голосом Винсента. Как бы я не мотала головой, вытряхнуть это уже не получилось.

Закрыла шкафчик, и с тяжелым сердцем пошла на третью пару. До начала занятия оставалось ещё немного времени. Положила бубен на колени, если вдруг кто решить опять меня забросать яйцами, и достала песню Виви.

Хорошо, что я не стала читать её в присутствии Марка. Простовато даже для Парамнезии. Слегка избитый текст про противоположности, про единство и дружбу, огонь и лёд. Несложно было догадаться, что в такой аллегорической манере Вивиан показала непростые отношения между Острайхом и Хангрией. Наивно и даже чуточку мило. Но с таким они бы точно не победили. Скорее всего их бы освистали. Так что я сделала им одолжение, что ввязалась в дуэль с Винсентом и сорвала конкурс.

Песня нуждается в значительной доработке. Она не безнадежна, но… Ей ещё рано появляться на свет. Зачем же мне дали эту распечатку?

В коридорах стало шумно, и я быстро спрятала листы в сумку и схватилась за бубен.

Мои одногруппники стягивались к аудитории. Они беззаботно переговаривались, пока не увидели меня. Вновь напряженная тишина. Переглядывание, а затем полнейшее равнодушие.

Кто-то уткнулся в книгу, кто-то перебирал в воздухе невидимые струны. Кто-то большим пальцем постукивал по сумке, слово играя на басу. Я видела эту нестройную музыку, по легким движениям рук я могла считать невыраженные мелодии. Все безбожно фальшивили даже в собственных мыслях. Но хуже всего мое сердце. Давненько он так не теряло ритм.

Игнорировать меня продолжили и на парах. Я несколько раз поднимала руку, чтобы прочитать свою работу, но преподаватель словно смотрел сквозь меня. Мне пришлось молча положить своё исследование ему на стол.

Получила дежурное “угу” в ответ.

Это продолжалось до самого обеда.

Меня даже на раздаче еды чуть не пропустили, а потом хангрийка-раздатчица шлепнула каким-то месивом, напоминающим картофельное пюре так, что часть отскочила мне на мантию. Она долго и с вызовом смотрела мне в глаза. Я лишь рассеянно поблагодарила её и пошла занимать свободное место.

Сегодня был целый стол в моем распоряжении, только аппетита не наблюдалось. Отодвинула странное пюре и разложила перед собой распечатки с песнями. Лучше займусь делом, чем буду раздумывать над всем тем, что со мной происходит за последнее время. Всех в академии мотыляет из равнодушия в открытую враждебность и обратно. Это очень утомляет.

Сама не заметила, как стала редактировать песню Виви. Не из снобизма или врожденного перфекционизма. Мне было жаль этот недоведённый до идеала шедевр. А ведь это действительно могло быть шедевром, чем-то что по-настоящему сплочает народы.

Добавила партию для скрипки. Не знаю, почему я сделала это. Наверно именно скрипка представляла весь Острайх с его утонченностью и царственностью, в то время как ударные и гитарные партии были чем-то яростными и диким. Такой я всегда представляла непоколебимую Хангрию, которая никак не хочет вливаться в наш Западный мир. Сопротивляется, цепляется за прошлое, страдает.

Расширила роль Марко. Клавишные здесь были мостом. Удивительным балансом между сражением скрипки и гитар.

Теперь мне все нравилось. Жаль, никому не покажешь. Мне дали ясно понять, чтобы эту песню я не трогала. Отложила карандаш в сторону и полезла в сумку за ластиком. Едва я распрямилась, как чуть не вскричала от паники.

Откуда он только взялся?

Винсент держал листок с моими пометками и внимательно его изучал. А я так и замерла со стеркой в руке.

Ужасное чувство, меня словно за чем-то постыдным застукали. Как если бы я осквернила памятник или святыню. Или хуже. Винсент может понять, что я действительно хочу с ними сыграть сегодня. Добавив скрипку, я словно себя в любви им призналась, влезла в их уютный мирок со своей, как он там сказал, мёртвой, унылой и безэмоциональной музыкой.

Вестерхольт взял со стола карандаш и тоже сделал какие-то пометки. Я же нервно втыкала в стерку ноготь, оставляя там глубокие следы, и старалась не думать, что все в столовой сейчас таращаться на нас. А все действительно таращились с опаской и интересом. Вдруг мы тут друг друга и остальных превратим в жаркое. Жаркое… Есть хочу, аж желудок сводит. Это нервное? Как же мне не хватает сейчас привычного звяканья ложек о тарелки. Тишина как в склепе.

Винсент сел за стол, положил листок с песней Виви и развернул его ко мне.

– Зачем ты это сделала? – Он ткнул пальцем в партию для скрипки.

– Просто так, – брякнула я, а затем попыталась дотянуться стеркой до своих пометок, но Винс каким-то до ужаса дразнящим жестом отодвинул распечатку, и ластик скрипнул по столу.

– Песня ужасна, – неожиданно выдохнул он, и я услышала облегчение в этом признании.

Я аж застыла с открытым ртом. Что он только что сказал? Это же их конкурсная песня!

– Ой, да брось, принцесса, ты сама это поняла. Иначе ты бы не исчеркала тут всё.

Это какая-то проверка? Он хочет развести меня на эмоции, уличить в плохом отношении к Виви? В эти игры я точно играть не буду. Его сестра как минимум спасла меня сегодня утром.

– Ничего не исчеркала, а просто немного поимпровизировала, ты же сам мне это советовал, – я невинно хлопала ресницами и встретилась взглядом с Винсом.

Судя по его довольной улыбке, ответ ему понравился, значит, я опять проигрываю.

– Хорошая ученица, – похвалил он, и если бы не стол между нами, клянусь, он бы по макушке меня погладил.

– Хорошей ученице пора возвращаться к занятиям, – я протянула руку за листком, но Вестерхольт сложил его вчетверо и убрал в задний карман штанов.

Его черная футболка слегка задралась, и я увидела ремень с массивной пряжкой. Как только штаны с него не спадают под таким грузом?

– Эту песню мы сегодня играть не будем. Разучивай оставшиеся, и вот уже их править не советую, они мои.

Прозвучало угрожающе.

– Винсент Вестерхольт настолько безупречен? – едко спросила я.

Теперь уже дело чести найти в его писульках изъян. Демонстративно взялась за ту самую мучившую меня с ночи песню, а Винсент даже карандаш мне вернул.

– Ну попробуй, курочка.

Перевожу на его змеиный язык:

– Только риски!

Можно подумать я боюсь его! Боюсь я как раз другого, песня на бумаге безупречна. Студийное исполнение далеко от идеала, но вот на листе… Но мне не хотелось признавать своё фиаско, и я весьма уверенно ткнула карандашом в первую строчку.

Не успела я даже испугаться как Винсент вырвал у меня из рук карандаш.

– Нет. Эту нельзя!

Пожала плечами и взялась за другую. Даже новый карандаш достала из сумки вместе с точилкой. Под тяжелым взглядом Вестерхольта сдула стружку с острого кончика.

Я даже не успела замахнуться как Винсент пальцем обломал мне грифель.

– Не получается, Курочка?

Он издевается?

Принялась по новой затачивать карандаш, стараясь сохранять невозмутимый вид, но ничего не выходило, грифель обламывался прямо внутри точилки.

– Ты опять? – зло воззрилась на Винса, а он лишь продемонстрировал мне пустые ладони.

– Нет. У принцессы-курочки руки дрожат, как ты с таким тремором-то на скрипке играешь?

Сдалась. Всё равно не очень-то мне и хотелось вносить какие-то правки в уже появившиеся на свет песни. Другое дело работа Виви. Она ещё не сыграна на публике, её можно без зазрения совести немного отредактировать, да простит меня Марко.

– Восемь вечера, – строго напомнил Винсент. – Без правок и фокусов.

– А не то что? – он словно нарывается. Я не хотела саботировать их выступление в клубе, но теперь сами Музы благоволят мне.

– Шшшшшшшшшшшш, – Винсент убедительно изобразил змею, и я даже подпрыгнула на месте. – Я знаю твои фобии, принцесса-курочка, не шути со мной.

– И не собиралась, пока ты не спровоцировал. А теперь жди. Пшшшшшшшш!

– Это ещё что? – рассмеялся Вестерхольт.

– Огонь! – грозно ответила, но в тот же миг почувствовала себя самой настоящей принцессой-курочкой, потому что Винсент смеяться не прекратил.

– Серьёзно? Больше похоже на расстройство кишечника. Ты же не ела эту мерзость? – он кивнул на непочатую миску с зеленой жижей, и я мгновенно покраснела и схватилась за урчащий от голода живот.

Вот же!

Этот раунд тоже остался за ним.

Но самое худшее ждало меня впереди. Будто мало мне было за этот день встрясок. Винсент обошёл стол и наклонился к моему уху так близко, что я почувствовала сначала холод металла от его серьги, а затем обжигающий шепот:

– Очень не советую есть это, курочка. Я видел, как на раздаче тебе плюнули в пюре.

Глава 6

– Видел, как мне плюнули в пюре? Уж не ты ли это сделал, Вестерхольт?

Вот как надо было ответить ему, а не краснеть, блеять и уж тем более не заправлять прядь волос за охваченное огнем ухо.

Так он и ушёл победителем, позвякивая своей огромной пряжкой при каждом ленивом шаге. Я молила вселенную, чтобы ремень не выдержал и лопнул на нем прямо посреди обеденного зала. Пусть все увидят голый зад этого самодовольного… Не лабуха. Да-да я признала, что Винсент талантлив. Вслух это ему я не скажу никогда, но уж себе то врать глупо. Он почти гений, а я… А я смотрю ему вслед и думаю о голой мужской заднице.

Кстати, о почти голых задницах. Я обещала поддержать Шай во время её прослушиваний, а там точно будет много парней в трико. Должно же хоть что-то хорошее случиться со мной этим утром. Посмотрю на прекрасное искусство классического танца и преступно обтягивающие мужские колготки.

Воспользовалась советом Винсента и не стала есть зеленую жижу. Надеюсь, он все же пошутил, и никто туда не плюнул, иначе я стану конченным параноиком.

Быстро собрала свои вещи, чувствуя, что присутствующие уже теряют ко мне интерес, и поспешила в балетный класс. По дороге не словила больше ничего кроме полных искреннего отвращения взглядов, словно на мне все ещё были птичьи перья и липкая дрянь. В меня больше не бросались едой, а жаль, я бы с удовольствием перекусила свежим яблочком. Яблочко! Меня аж скрутило от голода, особенно когда я увидела выстроившуюся перед дверями в класс очередь из худых парней и девушек. Эти точно последний раз ели неделю назад.

Шаю разглядеть было непросто. На голову ниже своих конкуренток она немного испуганно стояла где-то в центре очереди.

– Пропустите, – бурчала я на надменных танцоров и проталкивалась к подруге.

Первый раз вижу её такой бледной и потерянной. Где её боевой утренний настрой?

– Фуф… Успела! – я уперла руки себе в колени и шутливо перевела дух. – Ты как?

Шай сначала попыталась вымучено улыбнуться, а затем быстро зажала себе ладонями рот и позеленела.

– А мандраж, – с пониманием ответила за нее. – Прекрасно понимаю твои чувства, все пройдет, когда начнешь танцевать, но ты и сама это знаешь.

Она кивнула и позеленела ещё сильнее.

Перед нами оставалось все меньше и меньше студентов, когда знакомый голос окликнул меня.

– Елена, что ты тут делаешь? – Виктория со своей уткнувшей в видеофоны свитой подошла прямо к нам с Шайло.

– Пришла поддержать подру…

Не договорила, у одной из девиц громко включилась хорошо знакомая мне запись с утреннего инцидента. Взрывы смеха, грязные оскорбления… Я больше сотни таких видео за сегодня удалила.

– О. простите, звук не убрала, – извинилась девушка, но я по глазам видела, что ей вовсе не жаль.

– Значит, – Виктория медленно тянула каждое слово. – Ты Елена ден Адель пришла поддержать свою подругу хангрийку Шайло. Это так мило.

Мне совершенно не нравилось происходящее. На нас повернулись почти все из очереди, и Шай испуганно прижимала к лицу свои пуанты, пытаясь скрыться ото всех.

Именно в этот миг все встало на свои места. Моя дружба яд. Не из-за своей необычной внешности Шай не получает серьёзных ролей. Общение со мной сделало её изгоем на факуль-

тете. Я чувствовала, как к глазам вновь подступают слезы, но я не позволю Виктории насладиться этим зрелищем, или…

– Поговорим сейчас, чего ждать до вечера, – с вызовом бросила президенту нашего сестринства.

На мгновение она даже растерялась от моего напора, а затем премерзко улыбнулась. Ещё одна змеюка. Они бы отлично смотрелись с Винсентом рядом. Но моё едкое сравнение вдруг больно резануло по сердцу, когда поняла, что эти двое действительно были бы идеальные парой. Популярные, красивые, по-настоящему уверенные в себе.

Шая схватила меня за рукав мантии и на выдохе взмолилась:

– Не надо.

– Все будет хорошо, – успокоила подругу, но она мне не поверила и продолжала держать меня.

– Я быстро, обещаю.

Мотает головой, словно уже знает, о чем хочет поговорить со мной Виктория. Да я и сама примерно догадываюсь.

Очередь таяла на глазах, такими темпами Шай пропустит своё прослушивание. Грубо дернула руку, и почувствовала, как в груди все натянулось. Моя единственная в академии подруга смотрит на меня обиженно и одновременно виновато.

– Ну? – стараясь держать лицо, спрашиваю Викторию. – О чем ты там хотела поговорить.

– Не здесь, – ответила президент и поманила меня за собой.

– А лучше места не нашлось? – осторожно спросила Викторию и её свиту, когда они завели меня в женский туалет.

Я рассчитывала, что мы пообщаемся в ближайшей свободной аудитории, а не рядом с кем-то кряхтящим от напряжения за тонкой перегородкой.

Прижала рукав к носу. Моя одежда приятно пахла можжевеловым маслом после прикосновений Шайло. Ну точно лесная фея, а не человек.

– Для тебя в самый раз, Лена, – цедила президент, лишний раз убеждая меня, что разговор будет не самым приятным.

И когда я умудрилась так ей насолить. Нормально же все было. Меня как дочь министра тепло приняли в элитное сестринство, а мои отличные оценки и успехи на конкурсах только множили престиж дома. Ах точно… конкурс… Последний закончился не очень хорошо.

– Ты должна понимать, что в нашем сообществе ошибок не прощают, тем более таких, – с нажимом сказала Виктория, явно намекая на мое вчерашнее выступление.

Поджала губу.

– Моей там было только пол вины. Вестерхольт задирал меня, я просто дала ему сдачи.

Едва я произнесла эту фамилию, как президент как-то резко переменилась в лице, и на её щеках появилось что-то очень похожее на румянец. Дышит к нему неровно, что ли? А может Виктория просто багровеет от злости. Кто ж её разберет?

– Дело не в Винсенте, – она прокашлялась, а подружки многозначительно переглянулись за спиной своей королевы.

– А в чем тогда?

– В твоей репутации. Последние законы, принятые твоим отцом, твой вчерашний срыв во время конкурса, этот ужасный внешний вид, – с пренебрежением продолжала Виктория, а в кабинке наконец перестали кряхтеть и нажали на слив. С этим резким звуком словно меня в канализацию затянуло.

– Внешний вид? Да меня облили какой-то дрянью и перьями обсыпали! – возмущалась я, тактично умолчав, кто помог избавиться это всей этой красоты. У Виктории явный пунктик на Вестерхольта.

– О том и речь, Лена. Никого из нашего сестринства не обсыпают перьями. Это позор.

А вот тут я бы поспорила. Месяц назад одна из наших сестер отправила весьма откровенный снимок своему воздыхателю, который разошёлся как лесной пожар по всему кампусу, и после этого я позорю наш дом? Её всем домом жалели. Меня же после вчерашнего поддержала только Шай.

– Ближе к делу, Виктория. Мне попросить прощения у сестринства? Или перед всей академией встать на колени?

Что угодно лишь бы этой помогло моей подруге.

– Этого мало, Лена. Я хочу, чтобы ты ушла из нашего сестринства. Собрала вещички и пуф! Испарилась.

Такого я точно не ожидала, и у меня тут же вырвалось плаксивое:

– И куда же я пойду?

Виктория пожала плечами:

– Да куда угодно. В общежитие, или снимешь квартирку в городе. А лучше вернешься к папочке на домашнее обучение. У тебя вроде есть такой опыт.

Стиснула зубы. Мое пребывание в элитном сестринстве было одним из условий очного обучения в академии. Если отец узнает, что я переехала в общежитие, он заберет меня в тот же день.

– А если я откажусь? – спросила я безо всякой надежды.

– О, тогда малышка Шай будет изображать качающиеся на ветру кусты до самого выпуска, а после её не возьмет ни один театр, а закончит карьеру она в каком-нибудь грязном кабаре, если ей случайно ноги кто-нибудь в подворотне не переломает.

Меня мгновенно парализовало от ужаса. Понятия не имею, есть ли такая власть у Виктории, но проверять её на моей единственной в академии подруге я точно не хочу. Это уже серьёзные угрозы.

– Дай, хотя бы неделю, чтобы собрать вещи и переехать, – я отчаянно старалась сохранить лицо и не позволить президенту увидеть моей паники.

– Два дня. Я сегодня добрая.

Они ушли, и я наконец-то осталась наедине, напротив своего несчастного отражения с распушим носом. Школьные годы начали повторяться самым отвратительным и извращенным образом, и не было никого кому я бы смогла выговориться.

Сделала глубокий вдох, успокоила клокочущее от ужаса сердце, поправила волосы и вернулась к балетному классу, чтобы поддержать Шайло и проследить, чтобы Виктория сдержала своё слово и не помешала во время прослушивания.

Немного опоздала. Шай уже зашла внутрь. Я протиснулась сквозь очередь и попыталась посмотреть выступление из-за спин других студентов. Сдержанные хлопки только что закончившей девушке, и уже моя подруга вышла в центр балетного класса.

Ни тени волнения на её хорошеньком личике. Идеально зафиксированная поза, и вот из динамиков полилась музыка. Я тут же непроизвольно схватилась за сердце. Мама! Это запись её концерта, я так часто переслушивала его на видеофоне Шай, она не могла не знать, как сильно я люблю это произведение. В нем светлая печаль, горечь расставания и море надежды. Тонкие руки Шайло взметнулись к небу, попытались ухватить там кого-то, но затем обессиленно опустились вдоль тела. Весь этот пронзительный танец был о тщетной попытке встретиться с кем-то там на небесах, и всякий раз моя подруга терпела неудачу, пока вдруг не нашла что-то на полу. Она подняла воображаемую скрипку и принялась играть на ней, кружась по классу.

Да! Именно музыка помогла мне не терять связи с мамой. А моя скрипка тот самый мостик к небесам. Почему я забыла, ради чего все это было? Когда я потеряла свою искру и превратилась в такую формалистку?

Закончилось выступление Шай взрывом аплодисментов, и только я не хлопала, а смахивала с лица слезы. Хочу обнять подругу. Сказать, как сильно люблю её. Попросить прощения за то, что моя дружба помешала ей раньше получить большую роль на сцене. Но я не смогла. Трусливо пряталась за спинами, боясь даже шаг ей навстречу сделать и все испортить.

Не дождалась оглашения финальных результатов прослушивания и сбежала, чтобы не бросить тень на триумф Шай. Я не останавливалась до самого хранилища инструментов. Толкнула тяжелые двери и сразу же почувствовала целительную силу и вибрации спящей на струнах музыки. Виолончели, гитары, скрипки ждали что кто-то возьмет их в руки, вдохнёт жизнь и разбудит от вынужденной дрёмы. Отчего-то мне всегда было жалко, оставленные здесь инструменты. Без хозяев. Без семьи. Для кого-то просто досадная замена, для других промежуточный этап перед покупкой скрипки или гитары, с которой будет не стыдно выходить на сцену.

– Госпожа ден Адель? – стоящий за стойкой огненно-рыжий парнишка-работник хранилища удивленно поправил очки. – Что-то случилось с вашей необыкновенной скрипкой? Неужели, она пострадала во время пожара? Такая потеря!

– Ох, нет-нет, с моей скрипкой все порядке, хвала Музам, – я прищурилась, пытаясь разглядеть имя на его нагрудной табличке.

– Майкл, – пришел мне на помощь студент. – На первом курсе мы вместе посещали семинары по истории музыки.

– Точно, я бы в жизни не забыла твои веснушки… Майкл!

Что я несу? Совершенно не помню его. Зачем вообще заговорила про веснушки, вдруг это деликатная тема? Осталось настроить против себя последнего ещё улыбающегося мне в академии человека.

Но моей наглой лжи Майкл поверил, и вполне дружелюбно спросил:

– Вы что-то хотели взять из хранилища, госпожа Адель?

– Можно на ты, Майкл, – поправила его, потому что весь этот официоз начал меня порядком утомлять.

Лена, Елена, госпожа Адель, принцесса. Сейчас мне как никогда хотелось услышать то самое родное, теплое, надрывное…

– Курочка? – несмешливо спросил Винсент в моих мыслях, и я остервенело замотала головой, чувствуя, что начинаю краснеть.

– Так тебе ничего не надо, Елена? – Майкл озадаченно наблюдал за моим дерганьем.

– Надо… Но…

Наступило самое страшное. Каким образом попросить выдать мне бас гитару? Это кажется куда постыднее, чем наше с Шайло приключение, когда мы, закрывая лица от стыда заглянули в магазин непотребств. Мы краснели, хихикали и очень раздражали продавца, который таких девиц видел каждый день десятками.

– Будете брать что-то? – устало спросил продавец, и мы хором выдали:

– Нет!

– Нет? – переспросил Майкл.

Великие Музы! Да что со мной такое? Сейчас он примет меня за умалишенную. Разговариваю сама с собой, трясусь.

– Обещай, что никому не скажешь! – я уперла руки в стойку регистрации, и парень нервно сглотнул.

– Я нем, как лежащая на столе флейта!

Я набрала так много воздуха в легкие, что у меня голова закружилась.

– Бас гитара. Мне нужна бас гитара. На вечер. Только на вечер! Ничего такого, ты не подумай.

Ужас какой, легче было бы купить один из тех жезлов в магазине утех, чем попросить у Майкла гитару.

– О! Исследование какое-то проводишь, – дежурно изрек Майкл, и я чуть не взвыла от досады.

Исследование! Все было так просто, а я тут целый концерт устроила.

– Да! Я хочу исследовать эти самые бас-гитары. Звучание, история, известные музыканты.

– Интересно, я бы почитал твою работу, сейчас посмотрим.

Он уткнулся в журнал и принялся водить пальцем по каталогу, чем дольше он это делал, тем сильнее мрачнел.

– Погоди-ка. Я перепроверю, – извиняющимся тоном пробормотал Майкл, пролистал каталог ещё раз. – Ничего не понимаю. Минуту.

Он ушёл из-за стойки и направился к стеллажам с инструментами, а я нервно покусывала губу. Да что не так-то? Хотя почему я спрашиваю. В последнее время со мной все не так! Развернула к себе каталог инструментов, чтобы увидеть, что же так огорчило парня.

Ясно.

Напротив каждой бас-гитары академии стояла сегодняшняя дата и буква «В». Кто-то, а у меня нет ни единого сомнения, что это вездесущая Виктория, разобрал все инструменты ещё до обеда! Шесть штук! Теперь понятно, почему она так злилась. Видимо, узнала, что я буду играть с её обожаемым Винсентом, и прибежала права качать и угрожать. Все беды от этого чертова Вестерхольта! Дисквалифицировали с конкурса, выгнали из сестринства, облили жижей, плюнули в пюре. А теперь меня ждёт очередной позор. Я планировала утереть Винсу нос во время выступления в клубе, показать, чего я стою, но все уперлось в банальное отсутствие бас-гитары? И что мне теперь делать?

Майкл вернулся к стойке и удрученно развел руками.

– Придется тебе, Елена, писать исследование о другом инструменте, ну или попросить у кого-то.

У кого-то… Бас гитара есть у Вивиан, но мне духу не хватит заявиться к ней после всего.

– Великие Музы, что же мне делать?

Мысленно взмолилась к хранителям академии.

– Говорю же, выбери другой инструмент.

Настойчиво повторил своё предложение Майкл, как если бы я высказала свою мольбу вслух.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.